

18+

№3

литературный
ЖУРНАЛ

ВО-ВТОРЫХ

Редакционная коллегия: Анастасия Тихомирова, Арина Сотникова,
Анастасия Лапшина, Елизавета Крепостина

Верстка: Анна Ярош, Влад Бойко

Художник-иллюстратор: Виктория Левотаева

Контакты редакции:

bashnyamagov04@yandex.ru

Художник-иллюстратор: tg @narisovala_s

Рукописи не рецензируются.

Мнение автора и редакции могут не совпадать.

© Литературно-критический журнал «Во-вторых»
№ 3 (февраль 2025)

ПИШЕМ С НАТУРЫ

Виктория Левотаева. Жизненная драма. Драматургия Ляли Петуховой.....	7
Полина Черкасова. Вслух о человеке.....	11
Арина Сотникова. Егана Джаббарова. Та, чьи руки созданы для письма.....	15

ГОВОРИМ ОБ АКТУАЛЬНОМ

Настя. В истории пустотных текстов поставлена запятая.....	20
Антон Емекеев. Три левых часа стоя на табурете.....	23

ХВАЛИМ И РУГАЕМ

Анастасия Лапшина, Виктория Левотаева. Переписка из двух углов.....	29
Елизавета Крепостина. Ладно, давайте без драм.....	37
Настя. Псоглавец покусал.....	40
Арина Сотникова. Невыносимая тяжесть бытия. История о жизни «настоящего писателя» в Краснодаре.....	44
Наталья Суворова. Человеческая трагедия.....	49
Анна Ярош. «Покорный слуга глагола...».....	53

СМОТРИМ ПОСТАВЛЕННОЕ

Виктория Левотаева. Факт жизни и факт выдумки. Black & Simpson в театре «Практика».....	59
Критик в розовых очках. Театральный обзор: «Поэма без героя», театр «Глас».....	62
Арина Сотникова. Я в этом деле дилетант.....	66

ОТ РЕДАКЦИИ

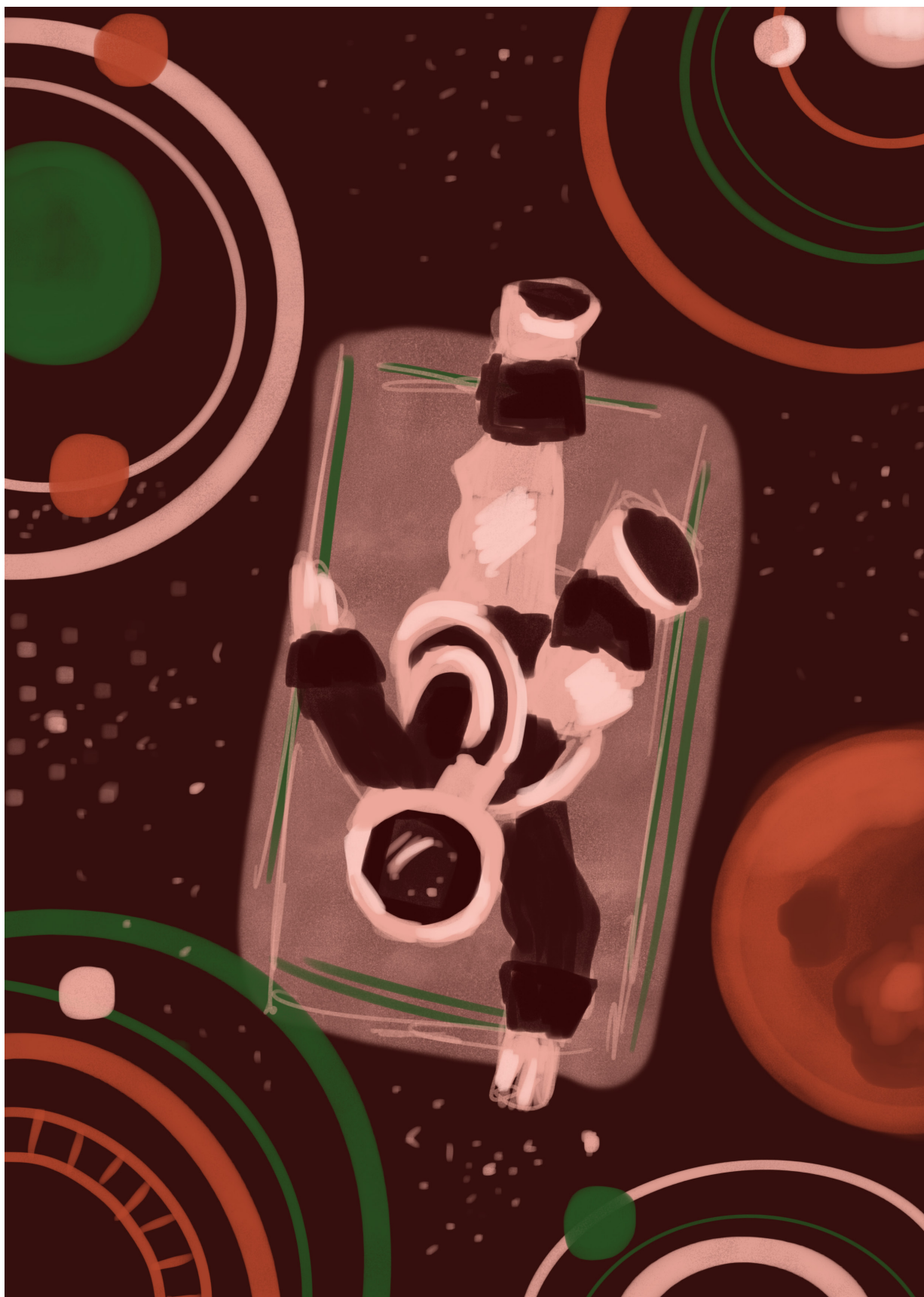
Приветствуем тебя, дорогой читатель, на страницах третьего номера литературного журнала «Во-вторых»! То, что мы преодолели цифру 2, синонимичную нашему названию, и уже гордо рисуем на обложке цифру 3, невероятно радует и дает надежду на то, что дело, начатое в рамках занятий по курсу критики, будет жить. Потому что, как известно, один раз — случайность, два — совпадение, а три — закономерность. Так что, уважаемый любитель литературы, теперь тебе от нас никуда не деться. Мы, разумеется, не угрожаем, а лишь приглашаем посмотреть на современный литературный (и не только) мир нашими глазами. Нескромно заметим, что мы люди интересные и интересующиеся, поэтому обещаем, что будет как минимум любопытно.

Наши преданные читатели наверняка заметили некоторые изменения: названия рубрик, редакторская коллегия, новые разделы, визуальное оформление. Все течет, все изменяется, обновился и наш журнал. Поэтому считаем своим долгом поподробнее рассказать о наполнении номера. «Хвалим и ругаем» — под этим броским заглавием собраны наши рецензии. Здесь вы найдете то, что мы рекомендуем к прочтению и то, что мы сами прочитали, совершив невероятный подвиг, но вас настоятельно просим этого не делать. «Пишем с натуры» — здесь рассказываем о тех, кто уже нашел свое место в литературном процессе, об авторах и критиках, творчество которых нам интересно. «Говорим об актуальном» — эта рубрика посвящена литературным событиям, о которых, на наш взгляд, должно узнать как можно больше людей. И последний (но не по значимости) раздел — «Смотрим поставленное».

Выяснилось, что среди нас много театралов, поэтому умолчать об этой важной части нашей жизни, мы, конечно, не смогли. Здесь собраны обзоры театральных постановок, которые нас поразили и заставили размышлять. А когда филолог долго размышляет, он начинает писать. К тому же, мы считаем, что театр сейчас — это то немногое, что отражает пульс сегодняшнего времени. И судя по тому, что на спектакли с каждым месяцем все сложнее достать билеты, это не только наше мнение.

Как уже стало понятно, новый номер журнала — это наш голос, наш взгляд, наша точка зрения. Мы не претендуем на научные открытия, а лишь хотим поделиться тем, что нас заинтересовало. Так что, если оказались убедительны, следуй за нами, дорогой читатель, и мы покажем тебе, как увлекателен, разнообразен и прекрасен мир современной русской литературы!

ПИШЕМ С НАТУРЫ

Виктория Левотаева

ЖИЗНЕННАЯ ДРАМА. ДРАМАТУРГИЯ ЛЯЛИ ПЕТУХОВОЙ

Фото класса. На светло-голубом фоне в три ряда стоят тридцать девочек с бантиками и мальчиков в пиджаках, совсем как взрослые, с забавно-серьезными взглядами. «Это наш класс», — может сказать любой человек среди читающих это описание. У меня дома тоже лежат такие фото.

Этим ребятам неизвестно, что будет даже завтра, хотя сейчас они уверены в том, что они точно знают, как правильно поступать, кем они будут (успешными и знаменитыми, конечно). Но все дороги открыты только в диснеевских мультиках. В реальной жизни кому-то сказочный путеводный камень укажет только на трудный путь, извилистую дорогу, полную несчастий, которым конца и края нет. Какие уж там бесконечные горизонты и слоган Барби «Ты можешь быть кем захочешь!»

Удивительно, но эти опрятно одетые и улыбающиеся дети с фотографии могут быть злыми, жестокими, несправедливыми, могут быть злой сворой собак, способной загрызть чужака, который нарушает их правила. Вот вам и дети — ам и нет. Остается лишь недоумевать: «А как так вышло?»

И, самое главное, коронное герценовское: «Кто виноват?»

Так можно описать хоть «правильных» пионеров из повести «Чучело», хоть молодых, но очень «ответственных» граждан из «Нашего класса» Т. Слободзянека. А еще одноклассников из очень яркой пьесы «Расскажи мне про Гренландию» молодого драматурга Ляли Петуховой, написанной в соавторстве с актером Сергеем Азеевым.

Говорю «очень яркой пьесы», забегая вперед, а ведь еще ни слова не было об авторе и ее литературных находках. Повторяю свой путь вновь: сначала я посмотрела постановку «Расскажи мне про Гренландию» в театре «Практика» и только потом прочитала биографию Ляли Петуховой и познакомилась с другими ее произведениями. А известно о молодой писательнице совсем немного. Ляля Петухова родилась в Рыбинске. Окончила Ярославский государственный театральный институт по направлению «Театроведение» в 2017 году, и уже в следующем ее пьеса «Идиотка» вошла в шорт-лист конкурса «Евразия». Почти все страницы, которые появляются на поисковый запрос «Ляля Петухова», так или иначе связаны с самой известной ее пьесой — «Расскажи мне про Гренландию». Затем, перейдя еще несколько раз по ссылкам, находим и другие пьесы драматурга: «Корова», «Марки», «Выстрел», «Выбор Тони» и др.

Находясь под большим впечатлением от постановки в «Практике», читаю эти произведения подряд, удивляясь тому, какие они разные: про буллинг, первую школьную любовь, отношения невестки со свекровью, утрату любимого человека. Они различаются тематически, сюжетно, по форме и приемам, но их объединяет общий взгляд на освещенные проблемы: удивленный, внимательный, любознательный, без попыток нравоучительствовать и говорить, как нужно поступать. Ракурс не с высоты высоколобого писателя, который знает все, а изнутри, где можно и нужно задавать простые и даже глупые вопросы.

А вопросы эти хоть и простые, но вечные и неразрешимые.

Ну вот, например, как так вышло, что две женщины с похожим жизненным опытом не могут понять друг друга? Об этом Ляля Петухова рассуждает в «Выборе Тони». В основе очень-очень бытовая и частная ситуация, почти пошлая и анекдотичная, — сложные отношения между свекровью и невесткой. А анекдота тем временем не выходит, хотя, казалось бы, все уже на эту тему сказано. Да, обе женщины тянут одеяло на себя, да, они не понимают, почему у них такой разный взгляд на роль женщины в

семье, да, они не могут поделить девочку — дочку и внуку. Все это старо как мир, но у Ляли Петуховой получается настоящая жизненная драма.

То, что начинается как простое изливание накипевшего двумя женщинами, Тоней и героиней без имени, которая названа Она, загадочному третьему (психоаналитику, читателю, мужу и сыну?), заканчивается мистической историей, которую до конца и разгадать непросто.

Но внутренне понимаешь: это невероятно точно передано на уровне ощущений. Буквально кожей при прочтении чувствуешь, что испытывали героини. Ужас одиночества, страх перед тем, чтобы лишиться самого дорогого, последней частички радости. Достигает такого эффекта Ляля Петухова, потому что внутреннее, чувственное она переносит в сферу физического и вещественного: Она покрывается перьями, превращается в птицу в ловушке. Жутковатая метаморфоза, от которой невозможно оторваться: «Она. Я открыла глаза, и поняла, что давно лежу на земле, и меня что-то не пускает, я как будто в капкане, или я и есть в нем. Я лежала пришибленная к земле, я как будто опять спала в перьях или без, и не могла встать. Мне снился мертвый жираф».

Голубь, плюшевый жираф, спутник, статуэтка космонавта — образы-символы, которыми наполнено повествование. Они загадочно переплетаются, поднимая обычную ситуацию, с которой почти все сталкивались, на космический, вселенский уровень. Тоня, Она и, в конечном результате, все мы — герои этой пьесы.

Дерзко продолжает заигрывать с темой животных пьеса «Корова». Корова, телка — понимаете, к чему идет?

«Марик. слушай, Сань, давай я тебя с телкой познакомлю?

Саша. ты debil насовсем, Марик. с какой телкой?»

И Саша действительно находит телку — обычную такую корову: к столбу привязана, траву жует, лепешки роняет. Теперь, когда все, кто читает эти строки, внутренне негодуют из-за такого обидного и уничижительного прозвища, постараюсь рассказать, что происходит.

У Саши год назад умерла любимая жена Лена, по которой он очень скучает. Супруга отправляет ему своеобразный привет с того света — говорящую корову, с которой Саша таскается-таскается, как герой из сказки «Как старик корову продавал», и никому не отдает, потому что «такая корова нужна самому». С коровой жить в городе неудобно, но и отпустить невозможно, поэтому Саша отправляется в путешествие, в котором ему встречаются различные персонажи: бабка, мужик, три девицы-красавицы, азиат, полицейский. Все они предлагают забрать корову, но Саша отказывается от всех предложений. В результате он отдает свою любимицу в рай — в деревню, где она может щипать траву, давать молоко и наслаждаться беззаботной коровьей жизнью.

Думаю, каждый в этом увидит свое, но образ поразительный, смелый, забавный и серьезный одновременно. Комизма добавляет то, что корова цитирует известные фильмы и сериалы, драматизма — ситуация, в которой очень много боли. А вообще, понимаете, как хотите: как бредовый сон (это позволяет сюжет) или как притчу-сказку о потере и о том, как сложно ее пережить.

Бред, абсурд, каламбуры продолжают в пьесе «Выстрел». Название, как мы видим, отсылает читателей к творчеству Пушкина, а список действующих лиц ему вторит:

Сильвио

Пушкин

Дуня (подруга дней Пушкина)

Лиза (медсестра)

Саня (третий)

Врач - ?

От себя я бы добавила к названию: «В ожидании врача». И тогда можно было бы вообще ничего об этой пьесе не писать, потому что она в целом выстраивается: Пушкин обязательно нелеп, текст начинается и никогда не заканчивается, много раз проходя через одни и те же контрольные точки, встречаются каламбуры самого разного рода... И все же произведение Ляли Петуховой не конструктор из пьес абсурдистов, а цельное и самостоятельное высказывание, которое складывается из миллиона значимых деталей. Место действия — больница, время действия — сегодня, а вчера просто не существует. Яркий образ — камера; если ее включить, начнется день, а если выключить — наступит пустота. Да сомкнутся веки всевидящего ока: больные проживают день сурка, ссорятся и ждут врача, который им всем поможет (и снова в духе детских стихов: «О, где же добрый доктор? / Когда же он придет?»). И доктор, конечно, не является, да и не появится никогда, ведь, как можно понять из финала, палата эта находится вне времени и пространства, символизируя цикличность человеческого существования в мире.

Почти всегда пьесы Ляли Петуховой поднимаются над бытовым и превращаются в своеобразную притчу, полную мистики и символов. И самое известное произведение драматурга, “Расскажи мне про Гренландию”, о котором уже шла речь вначале, продолжает эту линию иронически и злободневно:

Первоклашка 1. недооцененные дети недоверчиво смотрят в недосветлое будущее. Недовымеренный стройотряд недоровно шел в недалекое прошлое

Первоклашка 2. недобрый

Первоклашка 1. недоплатили

Первоклашка 3. не дорастем

Первоклашка 1. недоразвитый недочеловек романтично оценивал недостоверные перспективы

По-настоящему страшных сцен в пьесе очень много, и все они вторят этим словам эхом: у ребят из восьмого “В” мало у кого есть “батон” (отец, то есть), а у тех, у кого есть, пьет и бьет жену и детей; им ничего не интересно кроме того, как глушить спирт, разбавленный юпи; у них извращенные понятия о том, что правильно и хорошо. И на основе этой дворовой или даже тюремной философии школьники устраивают самосуд над учительницей, которая спасла маму одного из мальчиков от побоев. Но для них обратиться в милицию равно “стукануть”, а уберечь общество от опасного человека — лишить семью главного преимущества — номинального присутствия “батона”. Такие традиционные ценности.

Мы (в смысле те, кто ситуацию из “Расскажи мне про Гренландию” видел только на бумаге) ведь ничего о людях в сложных жизненных ситуациях не знаем. И рассуждать как будто тоже права не имеем. Жалеть? А нужно ли это кому? Покажите эту пьесу ребенку, для которого ее сюжет не художественный вымысел, а вторник на прошлой неделе. Он не заплачет, он с гордостью и вызовом скажет: «Да и хуже бывало». Не нужны ему наши слезы, помощь тоже. И вот это по-настоящему страшно.

Находит ли автор какое-то решение? Никаких ответов Ляля Петухова не дает, да и не пытается — миссия невыполнима:

«**Иван.** вы себя не кляните, Катерина Ивановна. вашей вины не было. это что-то другое виновато, но точно не вы. что-то другое. и в том, как я свои деньги делал, тоже что-то другое виновато, и в том, что Витя в Чечне погиб, тоже что-то другое виновато. Светочка спилась. нарожала четверых детей от Сережи. вы бы к ним домой зашли, знакомую картину увидели. Карина покончила с собой лет пять назад».

Но, как мне кажется, правильно поставленный вопрос, детально воссозданная ситуация, на которую, может, мы и не обратили бы внимания за недостатком художественного потенциала и драмы, даже более ценны.

В своих пьесах Ляля Петухова обращается к обычному человеку, дает ему высказать самые сокровенные и потаенные мысли, излить душу. Ее герои словно берут слово на выступлении перед большой аудиторией, набирают полную грудь воздуха и, как на духу, выкладывают все, что болит, повторяясь, запинаясь, бесконечно возвращаясь к одной и той же мысли. И читатель вместе с героями тоже проходит через терапию чтением текста. Иногда болезненную, но очень-очень необходимую.

Полина Черкасова

ВСЛУХ О ЧЕЛОВЕКЕ

*мы вбежали в слова
высотой в многоэтажный дом*

Владимир Коркунов

В необжитом общежитии совместной речи на карусели мессенджера крутятся буквы историй. И в одну частную историю заглядываем мы – любопытные любители слов. И ох уж это любопытство! Оно завело нас к художнику, который выдыхает из человека его внутреннего Адама.

Поэт и критик, редактор и переводчик Владимир Коркунов. Родился он в Тверской области в городе Кимры в 1984 году. Окончил МГУПИ, известный на сегодняшний день как МИРЭА, и Литературный институт им. М. Горького, стал кандидатом филологических наук. «Послужной список» В. Коркунова впечатляет: это «Цирк “Олимп”+TV», «Воздух», «Волга», «Литература», «Новое литературное обозрение», «TextOnly», «ГРЕЗА», «Двоеточие», «Дискурс», «Знамя», «Ф-письмо», «Флаги», альманах «Артикуляция», арт-дайджест «Солонеба», публикации на порталах Litcentr, «Носорог», Colta. Здесь и стихотворения, и статьи, и интервью, – творчество во всей его многослойности. В 2018-2019 годах был соредактором журнала «Контекст», а в 2019-2021 – «Парадигма». Он выпустил сборники стихов «Кратковременная потеря речи» (2019), «Последний концерт оркестра-призрака» (2021) и «Тростник на другой стороне Земли» (2023). Владимир ведет соц. сети. Там публикуются анонсы мероприятий. Оттуда можно узнать о его проекте «На языке тишины», посвященному слепоглухоте. Под его руководством выходит антология «Я – тишина», где собраны тематические тексты более чем 130 авторов из 20 стран мира. На данный момент проект продолжает развиваться и привлекает все больше участников. Так, совсем недавно, 8 декабря, состоялась презентация сборника «Потерянный и обретенный свет: монологи слепоглухих людей».

На поэтические книги Коркунова пишут рецензии. В качестве примера стоит упомянуть статьи Ольги Баллы «В эпицентре мини-экокатастрофы» и Ольги Туркиной «Органная музыка тростника» и «Полет разборов» серия 97, часть 2, где представлено пять рецензий на его подборку стихотворений. Но каковы же критические статьи? Есть высказывание самого В. Коркунова: «Научить писать стихи нельзя – и научить писать критику невозможно». «Мастерство критика: почувствовать текст, выступить соавтором, пусть даже на задворках созданного автором мира».

Таков он в своих критических работах. Внимание к мелочам – вот секретный ингредиент. Так происходит разбор повести Марины Бувайло С.П.У.М.С. (2012 год, «Знамя»). Намеками В. Коркунов чертит сюжет, а дальше приглашает читателя зайти в творческую мастерскую автора. Как экскурсовод показывает экспонаты, так и Владимир предлагает рассмотреть, как М. Бувайло обращается с материалом, какие рисует образы и как играет на неоднозначности. Неоднократно он называет ее психиатром, тактично раскрывающим внутренний мир персонажей. Коркунов обнаруживает общие черты всех разбираемых повестей (а они разные!), что позволяет ему связать их единой нитью и представить перед читателем как органическое целое, сделать вывод о поэтике. В некоторых статьях значимое место занимало описание сюжета. Так, например, выстраивается текст статьи «Перерождение раба» (2016 год) по роману С. Гончарова «Стихирти». В данном случае это осознанная установка, автор оговаривает условия с самого начала:

«...будет продуктивно анализировать текст романа, ориентируясь на сюжет». Перед читателем разворачивается анализ образа главного героя, путей, по которым ведет его автор, и духовной трансформации персонажа, после чего критик делает краткий вывод о данном литературном опыте.

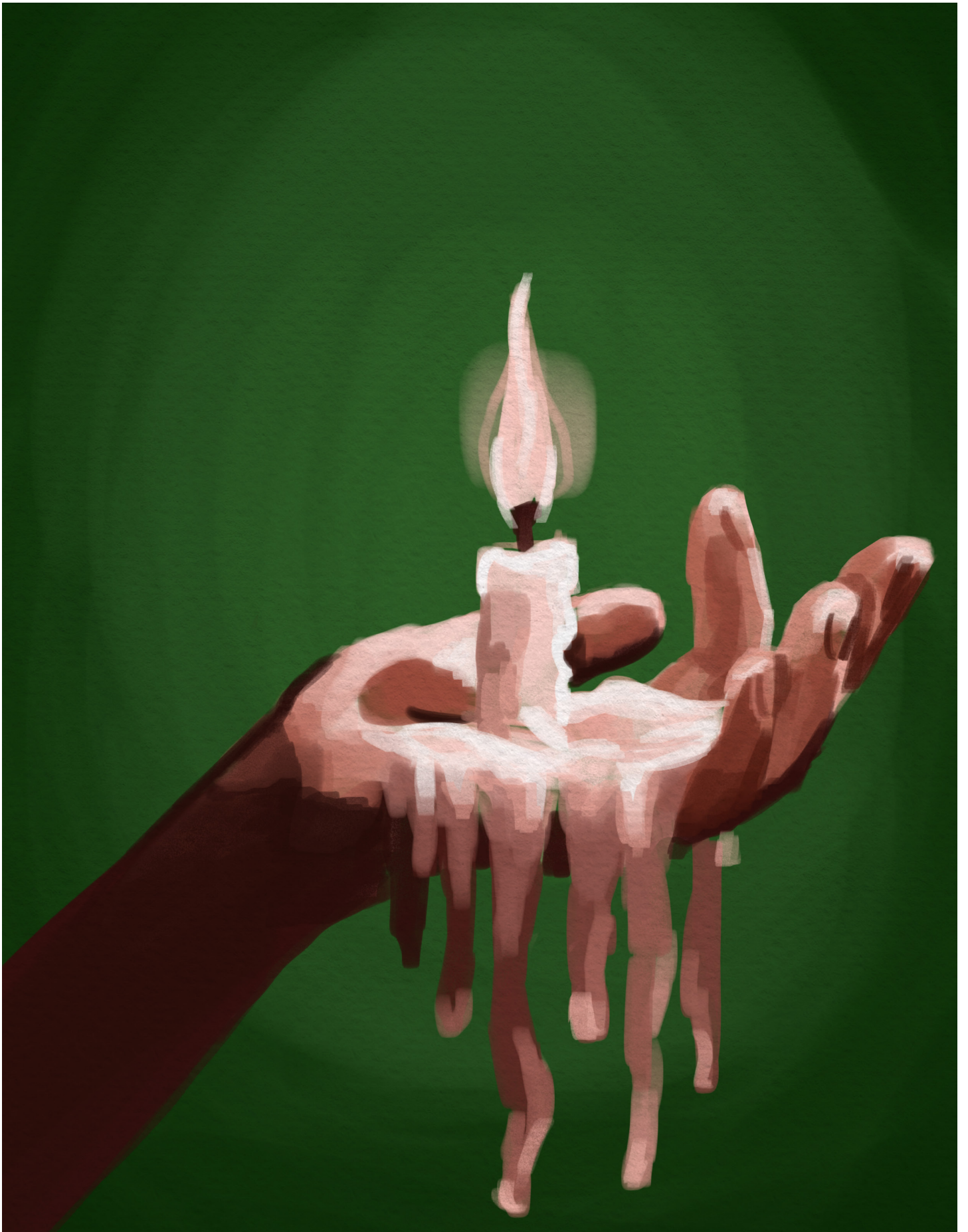
В статье «...Но вряд ли человечнее» (2024 год) В. Коркунов обращается к книге поэтических текстов «Т-ра Ж-ва» Тамары Жуковой. Уже с самого начала он задает тон, сравнивая строгий отбор авторки с тем, как это делал Н. Заболоцкий. Диалогичность, психологизм, человечность становятся, по мнению В. Коркунова, важными пунктами книги, что позволяет ему назвать Жукову одним из главных голосов современности. Автор статьи обращает внимание на то, что у поколения 2002-го года есть «прививка неподцензурной традиции». Что представляется наиболее важным, Коркунов вспоминает другие яркие имена поколения. Среди них Лиза Хереш, Женя Липовецкая, Максим Хатов. И каждому дана тонкая характеристика, это взгляд словно сквозь капельку росы, повисшей на паутине. Здесь же он прослеживает и особенности ранее опубликованных подборок. Он выявляет, какие события (февраль 2022) повлияли на ее поэтику «разрыва». «Эта книга, конечно, исповедь. Среди самых сильных и страшных, которые я читал в последнее время. Страшных не в плане хоррора, а в плане глубины и обнаженности “боли, упакованной в обложку внешне благополучного текста”». Статья наполнена отсылками к культурным кодам, сам стиль отличается от приведенных выше.

Его текст сгущенный, наполненный, но не пересыщенный. Ольга Туркина в статье «Органная музыка тростника» о его последнем вышедшем сборнике стихотворений пишет: «Текст Коркунова от книги к книге уплотняется сам в себя, ставя предметы и людей все ближе, а опасное и освобождающее – еще теснее». То же справедливо и для его критики. Владимир Коркунов расставляет акценты, балансирует на нюансах, обращает внимание на все мелизмы и переходы в рассматриваемых стихах. Его текст сложный. Он прослеживает, в какие образы складываются слова, и раскрывает, какое эмоциональное состояние лирической героини, самой авторки и ее поколения, передают, обращает внимание на наиболее сильные фразы, при этом не разжевывает, но объясняет, почему они хороши. Объяснять поэзию – дело неблагодарное, настолько тонкая материя требует трепетного отношения. В. Коркунов прикасается к словам аккуратно, бережно и внимательно.

Вы не найдете в статьях Коркунова восторгов или, наоборот, резкого негатива по поводу того или иного литературного текста. Владимир откликается на новейшие литературные опыты и, высказывая собственное мнение, знакомит с ними широкий круг читателей через статьи. Он стремится быть объективным при всей субъективности критики: анализирует образы, поэтику, детали. И дает право читателю самому решить, брать книгу в руки или нет.

Все его творчество – священная книга (но не оборотня) с покрытыми инеем страницами. Заглядывайте, это там, где кресты располосовали небо, а светлячки вылетали покурить во двор.

Арина Сотникова

ЕГАНА ДЖАББАРОВА. ТА, ЧЬИ РУКИ СОЗДАНЫ ДЛЯ ПИСЬМА

Как обложка влияет на бытование книги? Я всегда думаю об этом, когда, например, держу в руках бумажных уродцев с вызывающе красными (и почти всегда будто похоронными) розами на обложке. Хотя розы – малость. Заходили ли вы в раздел современного фэнтези? Воображение иллюстраторов этих книг создает то, что не может и не должно быть описано словами. А недавно я увидела за стеклом одного из магазинов «Джейн Эйр» с обложкой в стиле аниме и задумалась: заслужил ли мир подобные издания? Были ли мы готовы к тому, что «МИФ» предлагает нам увидеть? Или это осознанная стратегия, привлекающая к классике современную молодежь?

Наверное, мне так интересны обложки, потому что у меня есть любимая игра – я прихожу в книжный и покупаю какую-нибудь новинку, приковавшую мой взгляд. Я не читаю аннотаций и не покупаю тех, чьи фамилии мне известны. Попробуйте – иногда случаются неожиданные открытия. Таким для меня стала книга Еганы Джаббаровой «Руки женщин моей семьи были не для письма». Хотя это небольшое лукавство – я знала ее поэзию, когда увидела на полке небольшой темный томик с длинным и как будто немного таинственным заглавием. В тот день мои руки унесли с собой кажущиеся иллюзорными фиолетовые гранаты и страницы о чужих руках. И я признаюсь, что эта покупка была особенно хороша.

Егана Джаббарова родилась в 1992 году в Екатеринбурге. Она филолог, исследовательница творчества Марины Цветаевой. В 2015 году вышла ее поэтическая книга «Босфор». Она публиковалась в журналах «Новый мир», «Урал», «Новая Юность», «Вещь» и других. В своих произведениях (да и не только в них) Джаббарова исследует колониальность и идентичность.

Здесь и остановимся – эти факты станут эскизом. И хотя продолжать сложно, ведь Джаббарова – талантливый портретист, а тягаться с мастерами на их поле – гиблое дело, все же хочется сказать пару слов о той, кого интернет-издания называют одной из самых заметных современных писательниц.

«Руки женщин...» – первое прозаическое произведение Джаббаровой. И оно лучше всего рассказывает об авторе. Это автофикшн, в котором создается подробнейший портрет женского тела, каждой части которого уделяется отдельная глава – «Брови», «Волосы», «Рот», «Спина» и т.д. Это история жизни поколений мусульманских женщин, чьи руки «не должны пустовать и не должны писать», чей рот «не предназначался для говорения». Это мир, в котором рукам «дозволялось танцевать», а рту лишь пробовать еду на вкус, в котором за каждым шагом наблюдали дурные глаза, а каждый поступок обсуждался злыми языками. Джаббарова отталкивается от ситуации травмы, преодолевает ее, она как бы смотрит со стороны на мир патриархальной семьи, полный болезненного молчания. Тело становится самым главным документом и свидетельством, оно «удивительно точно хранит факты: оно не искажает их, навсегда запоминая, что с ним происходило: то тут, то там обнаруживаются архивные шрамы, царапины, синяки, следы от ожогов, оно не прощает проступков. Единственное, что оно с легкостью готово забыть, – боль». И именно ее физическими маркерами переполнен роман. Он весь посвящен страшному – генерализованной мышечной дистонии, неврологической болезни, которая постепенно отнимает у героини все: подвижность рук и ног, полноту зрения, способность говорить. Очевидно, что для автора, страдающего подобным заболеванием, особенно важно показать ту сторону жизни, которая связана с невидимой инвалидностью, при которой кажущийся здоровым человек постоянно борется с болезнью, радикально меняющей и затрудняющей быт. Лишь вживленный в мозг стимулятор позволяет героине вернуться к привычной жизни. Но и это

видимость – стоит отключить прибор, и болезнь за секунды вновь завоевывает тело. Кажется, постепенно отнимающее все заболевание становится удачной метафорой закостенелого уклада жизни, отбирающего у женщин право на самореализацию, однако текст Джаббаровой удивительно жизнеутверждающий. Болезнь становится освобождением, она позволяет нарушить вековые запреты – отрезать волосы, самостоятельно выбрать судьбу.

В этой книге родовое, семейное оказывается неразрывно связано с личным – вырисовывается несколько поколений женщин с похожими глазами, бровями, плечами и судьбами. Разделены они лишь географически – почти вся семья отца живет в Азербайджане, семья матери – в небольшом селе в Грузии (и тут впервые появляется сильная женщина, чье слово неожиданно становится сильнее слова ее мягкого, любившего книги мужа). Сама же героиня родилась в России девяностых, и это во многом становится определяющим фактором. Еще в школе она стала свидетельницей русских маршей и погромов, жестокости и различных форм дискриминации. В интервью «Прочтению» писательница обозначает: «я не писала книгу «по методичке» и не стремилась сознательно эксплуатировать эти темы — скорее все это стало неотделимо от моей жизни и жизни героев». И действительно, несмотря на особую интимность повествования, обилие натуралистичных описаний физического страдания, ориентированность на внутреннюю жизнь героини и обретение идентичности, в книге значимым становится социальный контекст, который намечается короткими, но яркими штрихами. Азербайджанская девочка оказывается «иной», чужой для всех – она почти не говорит на языке своих родных, что отдаляет ее от большей части семьи, но ее не принимают и те люди, чей язык стал для нее родным. Получается долгий, болезненный и очень поэтичный разговор о поиске себя, своего места, о борьбе и проклятии, которое становится ключом к свободе. Джаббарова пишет вопреки. Именно в тексте обретается свобода и автора, и героини автофикционального повествования, для которой «писать было сложнее, а потому интереснее, писать означало разрывать кожу, вырывать куски собственного тела без всякого обезболивающего, чтобы населить ими чужое воображение».

Проза Джаббаровой становится талантливым продолжением ее предельно телесной лирики, наполненной восточными образами, цветаевским настроением, лирики, в которой она обращалась к миру и пыталась его пересобрать, в которой она говорила о женщине, скованной и обреченной телом, в котором она родилась. И хотя ее тексты зачастую обращены к различным формам насилия, они остаются жизнеутверждающими. Кажется, что, погружая читателя в страшную боль, Егана Джаббарова каким-то магическим образом научает его пониманию, состраданию, любви и воспеваает мир. Особенно важным это кажется в те дни, когда повсюду царит ненависть и воинствующая нетерпимость.

В 2024 году в издательстве «Новое литературное обозрение» вышел второй роман Джаббаровой - «Дуа за неверного», в котором она рассказывает о когда-то неожиданно обретенном брате Сереже, которого в их дом привела русская любовница отца перед тем, как сесть в тюрьму. Это история о том, как «красивый азербайджанский мальчик с немного сросшимися бровями и карими глазами без меда отца» прожил свою короткую жизнь, о том, как он отказался брать отцовскую фамилию, оставив материнскую русскую, как комплексовал из-за густых бровей и темных волос, и о том, как он настолько «ненавидел свою нерусскую часть, что весь стал Россией, большой русской хтонью, пах водкой, землей и нефтью, жил в самом страшном общежитии, где в коридорах лежат наркоманы, ходил в церковь, мечтал воевать».

Джаббарова не просто пишет автофикциональный роман – она на сотне страниц говорит со своим братом, который умер так же внезапно, как и появился в ее жизни, она адресует ему огромное поэтическое письмо, в котором представляет, как бы сложилась его жизнь, перестань он «прятать <...> часть своей идентичности, как порно-журналы и пачку сигарет». Этот роман становится сильным и несомненно удачным продолжением тех размышлений, которые занимали автора в первой книге – это и вечный спор отцов и детей, и вопрос культурной идентичности, и соотношение мужского и женского, русского и нерусского, христианского и мусульманского. В итоге каждая книга автора – история болезненных отношений с миром, с разными национальными культурами маленького ребенка, который чувствует отчуждение там, где его не должно быть, и которым на самом деле в той или иной степени является каждый из нас.

Это книга, главный герой которой давно мертв – еще до первого замысла автора, до первой строчки, и который оказывается жив каждый раз, когда читатель перелистывает страницу за страницей, шаг за шагом проходя его жизненный путь. Но в первую очередь это книга о любви. Мусульманская семья устраивает своему сыну православные похороны, а девочка, которую некогда перед сном перекрещивал брат, чтобы после смерти они оказались в одном месте, совершает за него дуа, сплетая в единую молитву обращение к Иисусу и Аллаху:

«Аллаху Акбар

Помяни, Господи Боже наш, вечного раба Твоего С  ргия,

аллахумма иння С  ргий фии зиммятиякя хябли

яко Благ и Человеколюбец,

<...>

ассаляму алейкум, йаа ахлиль-кубур.

Мир вам, находящиеся под землей.

ягфирулляху ля науа лякум.

Пусть простит Всевышний как вас, так и нас.

ан-тум саляфуна, уа нах-ну биль-асаар

Вы перешли в мир иной раньше, а мы будем следующими.

Вы перешли в мир иной раньше, а мы будем следующими.

Вы перешли в мир иной раньше, а мы будем следующими».

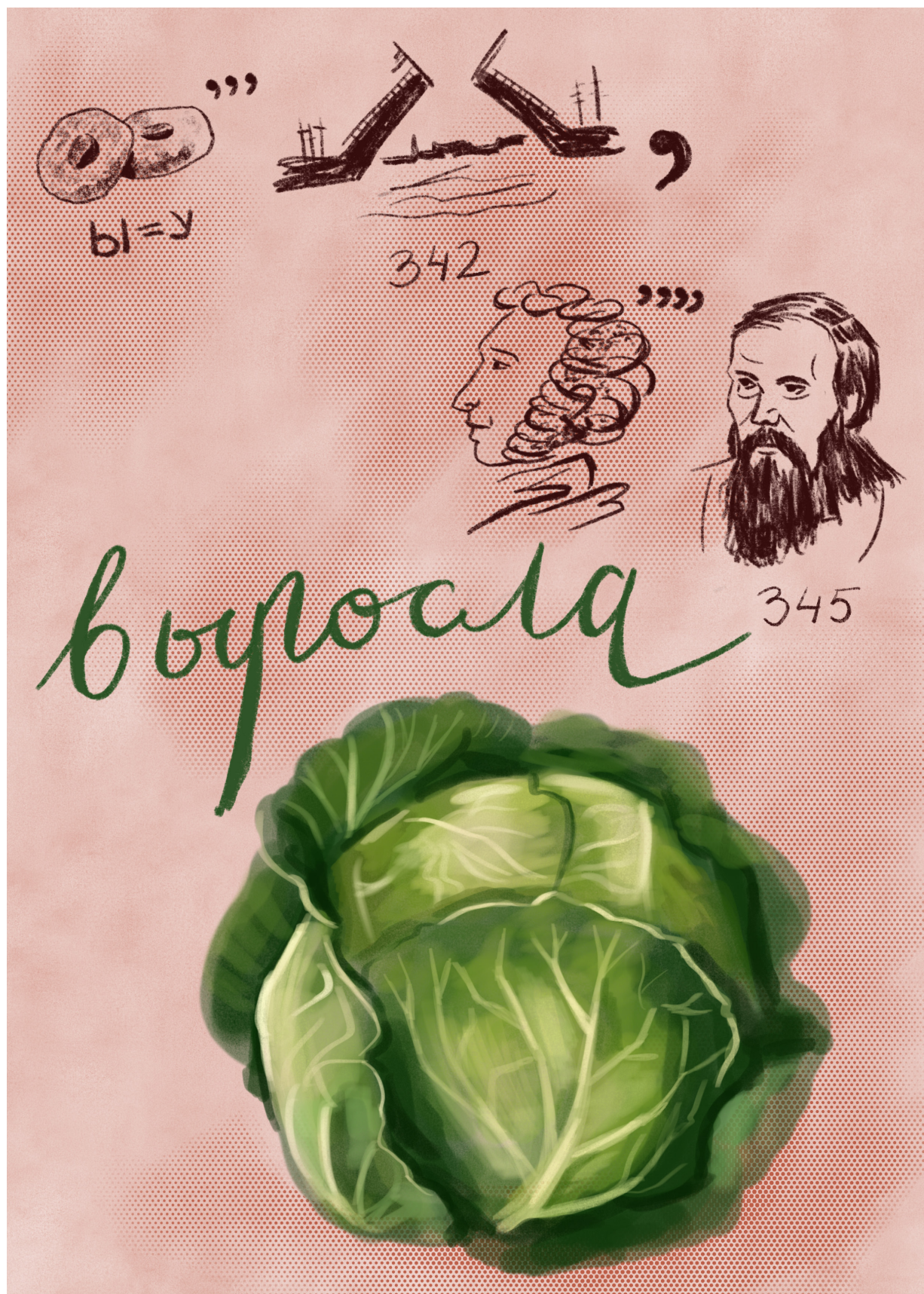
В романах Джаббарова пишет о своей семье, о себе, но в итоге создает универсальные истории, которые рисуют реальный портрет нашей повседневной жизни и заставляют ее переосмыслить. Это всегда тексты, в первую очередь говорящие о преодолении, принятии, понимании и уважении, тексты, которые кричат «посмотри, Бог, как страшно жить детям твоим на земле», но в то же время дарят ощущение светлой надежды.

Postmortem

*«Но да будет слово ваше «да, да», «нет, нет»,
а что сверх этого, то от лукавого»*
Евангелие от Матфея (гл. 5, ст. 37)
на этой фотографии у меня закрыты глаза,
смерть прячет слова в сундук на чердаке Бога
ей хочется поиграть, она говорит:
грех твой в рождении твоём
назвать значит наказать
наказывающий тебя отец — бог обзывающая тебя мать — дух ты посередине.
невеста Христова, бесприданница
тело твоё не принадлежит тебе:
руки, вяло опадающие на туловище,
стопа, не помнящая движение,
тело, переживающее распад
я думаю:
свят страждущий, но не в этом доме
здесь запрещено желать
(читай дышать)
прячешь голову в густой грязной воде
пытаешься не существовать
вся жизнь — семнадцать пакетов из-под мусора
таскаю туда-сюда, надрываю спину
не выдерживаю тяжесть собственного присутствия
господи помилуй что тут ещё сказать.

ГОВОРИМ ОБ АКТУАЛЬНОМ

В ИСТОРИИ ПУСТОТНЫХ ТЕКСТОВ ПОСТАВЛЕНА ЗАПЯТАЯ

Петербург, у меня еще есть адреса,
По которым найду мертвецов голоса.

«Ленинград», Осип Мандельштам

В сентябре 2024 года петербургский независимый книжный магазин и издательство «Подписные издания» выпустили книгу Ивана Урганта «Припухлые железы жизни», все деньги от продаж которой пошли в детский хоспис «Дом с маяком». И, по большому счету, это мистификация, так как все 170 страниц, за исключением содержания, в ней пустые. Но я считаю книгу Урганта фактом художественной литературы, и, более того, заслуживающим внимания литературным событием, и вот почему.

Сначала вспомним историю. В 1913 году поэт-авангардист Василиск Гнедов создал «Поэму Конца», вошедшую в цикл из пятнадцати поэм «Смерть искусству». В верхней части листа этого произведения расположено заглавие, в нижней — типографская печать и год выпуска. А между ними — пустое пространство. Корней Чуковский позже напишет: «... белый, как снег, лист бумаги, на котором ничего не написано». «Поэма Конца» стала преддверием «Черного квадрата» К. Малевича и, возможно, первой «пустой книгой». Уж, конечно, пустой только формально, но не содержательно: авангардные поиски русских футуристов довели искусство до логического конца. При исполнении цикла, как утверждают его современники, В. Гнедов долго молчал, или после паузы говорил: «Все!», или делал какой-нибудь жест. Поэт Владимир Пяст вспоминал: «Слов она не имела и вся состояла только из одного жеста руки, быстро поднимаемой над волосами и резко опускаемой вниз, а затем вправо вбок». А до Гнедова были и А. С. Пушкин с точками вместо слов в «Евгении Онегине», и стихотворения декадента Александра Добролюбова «Allegro con moto» и «Moderato», в которых текст также заменен отточиями. Получается, шутка пошучена, и место занято Гнедовым?

Обратимся к мировому опыту. Самой известной «пустой книгой» стала выпущенная в 1974 году американским издательством Harmony «Книга Ничто» (англ. The Nothing Book), в которой за обложкой скрываются 192 чистые страницы. Объем книги, с одной стороны, соответствует среднему американскому роману, а с другой, это стандартный объем блокнота. Шутка понравилась американскому обществу, книга пользовалась популярностью и даже была переиздана, что иронично, став короче на 30 страниц. Говорят, читать «Книгу Ничто» следует под музыкальную пьесу «4'33"» композитора Джона Кейджа. В пьесе на четыре минуты тридцать три секунды инструменты замолкают, и зритель слушает тишину.

Постсоветское пространство знает еще один пример. В сатире над постмодернизмом «Козленок в молоке» писателя Ю. Полякова сюжет построен на случайном создании и оглушительном успехе книги «В чашу». Все критики — от либерально настроенных до соцреалистов — видят в ней что-то значительное, но она становится доступной и для массового читателя, который рад отсутствию в ней букв и поражен «глубиной» смысла. В конце резаная бумага под обложкой ничего не значащего названия получает престижную международную премию.

История пустотных текстов прошла путь от многозначности книги — к ее однозначности. В XXI веке в мире появляется все больше таких «пустых книг». Приведу те названия, которые упоминаются в статье филологов Самохина, Соколовой, Сергеевой и Никашиной: «О чем думает любой мужчина, кроме секса»

(2011), «Все, что Обама знает об экономике» (2011), «Все, что мужчины знают о женщинах» (2013), «Почему Трамп заслуживает доверия, уважения и восхищения» (2016), «Причины голосовать за демократов: подробное исследование» (2017) и, наконец, пародия на один мировой бестселлер под названием «Пятьдесят оттенков серого» (2012) с пустыми небелыми страницами. Кроме последней книги, остальные примеры создают понятную и простую анекдотическую конструкцию: «Обо всем этом читайте в новой книге “Никак”». На заданный вопрос дается простой вербальный ответ. А там, где теряется многозначность, теряется и художественность, и эти издания переходят в публицистический дискурс, в котором они не претендуют ни на память о себе, ни на хоть сколько-нибудь широкий охват.

У Ивана Урганта (актера, шоумена, ведущего программы «Вечерний Ургант»), как кажется, получилось иначе. О выходе книги «Припухлые железы жизни» (кстати, «Подписные издания», что выпустили книгу, на обложке заявлены как «издательство “Невидимая книга”») стало известно еще в июне 2024 года, когда на канале Николая Солодникова вышло интервью под названием «Иваново детство». В этом фильме о внутренней эмиграции Ургант подробно рассказывал и о названии, которое взято из стихотворения Осипа Мандельштама: «Я подумал, название должно быть какое-то, ну, небанальное что ли? Мне пришло в голову название “Люблю тебя, Петра творение”. И дальше начали появляться главы: “По рекам и каналам”, “В Петергоф на ракете”, ну, вот такие какие-то. А потом я вспомнил, что одно из важных для меня стихотворений, да и вообще стихотворений, посвященных этому городу и по сути тому, что происходит со мной сейчас, написал Осип Эмильевич Мандельштам».

*Я вернулся в мой город, знакомый до слез,
До прожилков, до детских припухлых желез.*

Рассказывает он и об отдельных главах: первая глава, которая называется «Первый канал», на самом деле посвящена первому каналу в жизни Урганта — каналу Грибоедова, а последняя глава, «9 с половиной кинотеатров», посвящена его любимому детскому кинотеатру, в том числе тому, в который он так и не смог попасть. В сентябре 2024 года книга поступила в продажу, а чуть позже Ургант написал в Instagram* (принадлежит компании Meta, которая признана в России экстремистской и запрещена) пост: «Спасибо вам за такую любовь к печатному слову, или скорее полуслову. Исключительно благодаря вам в детский хоспис “Дом с Маяком” перечисляется вся прибыль в количестве 3 500 000 рублей».

На художественность, литературность своей книги Ургант указывает сам. Мы открываем «Припухлые железы жизни», и нас встречает заявленный автором жанр — «роман-прогулка». Себя Ургант в написанном от третьего лица отзыве называет писателем:

«Как тонкий, хорошо чувствующий своего читателя автор, Ургант умело сочетает увлекательный сюжет с ярким описанием героев, при этом оставляя возможность прочесть между строк.

И. Ургант, писатель»

Посмотрим другие «отзывы» на книгу. Якобы «Независимая гильдия независимых журналистов» на обложке пишет: «Достаточно прочесть несколько страниц, чтобы понять, насколько книга лучше фильма». Видимо, того фильма Солодникова «Во сне ты горько плакал» с Ургантом в главной роли, который не получил прокатное удостоверение. Или «Независимая организация независимых критиков» независимо критикует: «Новое тихое чтение». Солодников здесь краток: «Навзрыд». И правда, не поспоришь.

Каждой главе «Припухлых желез жизни» в фильме Солодникова соответствует своя история — о Петербурге, о семье, о детстве. Но из названия этих глав складывается и другая история: «Первый канал», «Усы», «Там, где гнездятся сапсаны», «Мои дворцы», «Рыбные места», «Прогулки с Бродской», «Поблагодарите водолазов и поезжайте в прокуратуру», «Между бабушкой и дедушкой», «Девять с половиной кинотеатров». Символичность и образность этих названий окутывается нитью читательских ассоциаций — культурных, литературных, социальных, или же глубоко индивидуальных.

Если посмотреть на историю «пустых книг», то в них всегда в той или иной степени присутствовала писательская интенция эпатировать публику. «Поэма Конца» В. Гнедова должна была ознаменовать конец искусства. Американская «Книга Ничто», кажется, высмеивала саму идею о значительности чего бы то ни было, на что намекал и ее подзаголовок «Хочешь сделать из нее что-нибудь?» Эпатаж «Припухлых желез жизни», как кажется, происходит в другой плоскости, потому что он привязан к конкретному историческому времени, несмотря на все попытки Урганта придать главам книги флер ностальгического теплого воспоминания о детстве в холодном Петербурге. Наш автор уже два года существует на полулегальном положении: фильмы с ним отменяются, его собственное творчество пропадает с онлайн-площадок, а все его появления на мероприятиях встречают жутковатую критику от «общественности». Тем временем, несколько слов, которые, я уверена, близки Урганту, в стране запрещены. И здесь я вижу прямую параллель с содержанием его книги — вместо всего, что наполняет жизнь, зияющая пустота. Вместо текста — своеобразная пародия над самоцензурой. Ургант мог бы что-то написать, но эти пустые страницы кажутся намного ярче любого текста. Но из выхода этого «романа-прогулки» получается красивая история — благотворительная акция, призванная помочь НКО, которые сейчас больше всего страдают от недофинансирования и отсутствия к ним внимания и того интереса, который был еще несколько лет назад.

Книга «Припухлые железы жизни» пронизана иронией: пародийная обложка, отсылающая к стилистике путеводителей по городам, странное название, странные главы, выдуманные отзывы «независимых» и автора, призывающего читать между строк, и наконец, эксцентричное, скажем так, содержание романа. Но структура шутки такова, что интонация не отменяет серьезного смысла, что в ней проговорен. А пустота здесь становится художественным приемом — фигурой умолчания, которая лишь подсвечивает содержание книги.

ТРИ ЛЕВЫХ ЧАСА СТОЯ НА ТАБУРЕТЕ (ОБЗОР ПО МОТИВАМ ЛИТЕРАТУРНОГО СОБЫТИЯ)

Сегодня я проснулся в два часа дня. Я лежал на кровати до трех, не в силах встать. Я обдумывал свой сон о собаке.

Она лизала камень, а потом побежала к реке и стала смотреть в воду.

Она там видела что-нибудь?

Зачем она смотрит в воду?

Я уверял себя, что это очень важно – обдумать сон до конца. Но я не мог вспомнить, что я видел дальше во сне, и начинал думать о другом.

Кажется, у кого-то это уже было.

Надо скорее вставать. Уже половина третьего. Сегодня Табэриутские чтения. Каждые 42 дня кто-то проводит поэтические чтения на табурете. Новый месяц – новое место – старый табурет. Когда-нибудь он сломается, но пока держится.

Пора собираться.

Я иду по Литейному мимо книжных магазинов. Вчера я просил о чуде.

Да-да, вот если бы сейчас произошло чудо.

Начинает идти полуснег-полудождь. Навстречу мне идут несколько человек. Один из них спрашивает меня:

— Вы, случайно, не на Табэриутские чтения?

— Туда.

— А давайте мы вас отведем. Сегодня табурет установят на 4-м Ждановском мосту. Туда сложно дойти самому.

Пошли вместе. Компания держалась чуть поодаль. Разговаривали о своем:

— Я думаю, в мясе голубей есть что-то неприятно сладковатое; такого вкуса, наверное, и человеческое мясо.

— А вот я как раз люблю все такого вкуса, – отвечал мужчина в кепочке и клетчатом пиджаке. Телячьи ножки, которым серозная жидкость придает мягкость и сладковатость; устрицы, они нравятся мне своей слизистостью. Я знаю: для большинства людей отвратительно все раздутое, мягкое, зыбкое. Между тем в этом сущность физиологии. И мне это не неприятно. Я могу спокойно приложить к губам паука или медузу.

Долго мы петляли по переулкам, но наконец пришли. На потаенном, казалось бы, всеми забытом мостике уже стояли какие-то люди. Кто-то даже взгромоздился на табурет и торжественно декламировал:

— Это случилось в сентябре, и с тех пор больше никогда не было сентябрей. То, что мы сегодня называем сентяблями, на самом деле затянувшиеся апрели, и случилось вот что. Однажды поэт Николай Олейников не хотел ехать на уборку урожая, поэтому написал стихотворение о том, что урожай уже собран, а трактора стоят в амбарах. Все стали из-за этого счастливыми, ведь никто тоже не хотел ехать на уборку урожая. Так что все просто перестали на уборку урожая ездить, и сентябри отпали за ненужностью.

Кажется, что это хороший повод собраться в этом не существующем сентябре и почитать какие-нибудь несуществующие стихи – свои собственные и обэриутов на 27-х Табэриутских чтениях!

Все дружно захлопали. Впрочем, на табурет никто забираться не спешил. Всем было как-то неловко. Собрались взрослые люди посреди бела дня стихи читать на ободранном стуле, еще и мост заняли. Повисло молчание. Наконец, к табурету подошел один мужчина в деловом костюме и с портфелем в руке. Можно было подумать, что он просто заблудился по пути на серьезную встречу с не менее серьезными людьми и в такой странной компании явно не задержится. Однако мужчина тем временем спокойно поставил портфель, снял пиджак, встал на табурет и внезапно с детским задором начал:

— Вы знаете?
Вы знаете?
Вы знаете?
Вы знаете?
Ну, конечно, знаете!
Ясно, что вы знаете!
Несомненно,
Несомненно,
Несомненно знаете!

Вдруг из толпы выскочила какая-то старушка и подхватила:

— Нет! Нет! Нет! Нет!
Мы не знаем ничего,
Не слышали ничего,
Не слышали, не видали
И не знаем
Ничего!

Мужчина продолжал:

— А вы знаете, что СО?
А вы знаете, что БА?
А вы знаете, что КИ?
Что собаки-пустолайки
Научились летать?
Научились точно птицы, —
Не как звери,
Не как рыбы, —
Точно ястребы летать!

И уже вся толпа отвечала:

— Ну! Ну! Ну! Ну!
Врешь! Врешь! Врешь! Врешь!

Ну, как звери,
Ну, как рыбы,
Ну еще туда-сюда,
А как ястребы,
Как птицы, —
Это просто ерунда!

Так, нараспев, передразнивая друг друга, мы только прочитали первое стихотворение, как на табуретке уже рассказывали следующее. Детские и взрослые, смешные и не очень, стихи были самые разные. О таракане и о футболисте, о карасе и даже о рыжем убийце дедушки. Некоторые пытались читать с выражением, другие подчеркнуто безэмоционально, а один мужчина и вовсе собрался читать пьесу сидя на шкафу, но шкафа у него с собой не оказалось и пришлось, как и всем, вставать на табурет.

На мосту тем временем сами собой появлялись новые лица. Никто не знал, откуда они приходили, но это было и не важно. Охотник с пуделем, странная старушка с часами без стрелок в руках, какая-то женщина, говорившая лошадиным голосом, и даже маленький таксик, кого только не было тогда на Табэриутских чтениях!

А стихи продолжались, и казалось, что это уже все одна детская песенка, которая никогда не закончится, и мы так и будем слушать ее здесь на этом маленьком мостике вокруг обшарпанного стула. Но вот к табурету подошел один мужчина, и почему-то все сразу поняли, что сейчас точно будет последнее стихотворение. Кругловатое лицо, роговые очки в негрубой оправе, гладкие волосы, причесанные чуть вбок. Это был совершенно обычный человек с прозаической внешностью. Он встал на табурет и тихо начал:

В широких шляпах, длинных пиджаках,
С тетрадами своих стихотворений,
Давным-давно рассыпались вы в прах,
Как ветки облетевшие сирени.
Вы в той стране, где нет готовых форм,
Где все разъято, смешано, разбито,
Где вместо неба — лишь могильный холм
И неподвижна лунная орбита

Мы заворуженно молчали, и никто даже не заметил, как к табурету подошли несколько человек. Они внимательно смотрели на мужчину в очках, а он читал, словно бы обращаясь только к ним:

Там на ином, невнятном языке
Поет синклит беззвучных насекомых,
Там с маленьким фонариком в руке
Жук-человек приветствует знакомых.
Спокойно ль вам, товарищи мои?
Легко ли вам? И все ли вы забыли?

Теперь вам братья – корни, муравьи,
Травинки, вздохи, столбики из пыли.
Теперь вам сестры – цветики гвоздик,
Соски сирени, щепочки, цыплята...

Тихий, размеренный голос плавно разносился по всему мосту, как вдруг раздался громкий хруст, и табуретка начала крениться. Все замерли в тревожном ожидании, и само время остановилось, как будто кто-то вбежал и удалил его на одно мгновение. Облезлый табурет держался из последних сил на своей подкосившейся ножке, еще чуть-чуть и точно надломится. А мужчина в очках все так же спокойно стоял, и слово его продолжалось:

И уж не в силах вспомнить ваш язык
Там наверху оставленного брата.
Ему еще не место в тех краях,
Где вы исчезли, легкие, как тени,
В широких шляпах, длинных пиджаках,
С тетрадами своих стихотворений.

На этом и закончились 27-е Табэриутские чтения. Все разошлись, и мостик очень быстро опустел. Через 42 дня договорились встретиться вновь, уже на новом месте. Кто-то даже пообещал принести скотч; все-таки не в первый раз ножка ломается, так ведь и упасть может кто-нибудь.

Я шел домой и думал, что же такое Табэриутские чтения. Странное, даже нелепое мероприятие: место всегда случайное, вместо сцены или хотя бы стула один и тот же дряхлый табурет, да и участвуют в этом какие-то чудаки. Все это как-то ненормально, но именно эта «ненормальность» лучше всего соответствует обэриутской поэзии, ее забавным и не очень персонажам, ее детской непосредственности, чурающейся взрослой «правильности», и, конечно же, ее страстной вере в чудо. Табэриутские чтения – глупые и неправильные, но ровно такими они и должны быть. Есть в них что-то иррациональное, а значит, и чудесное.

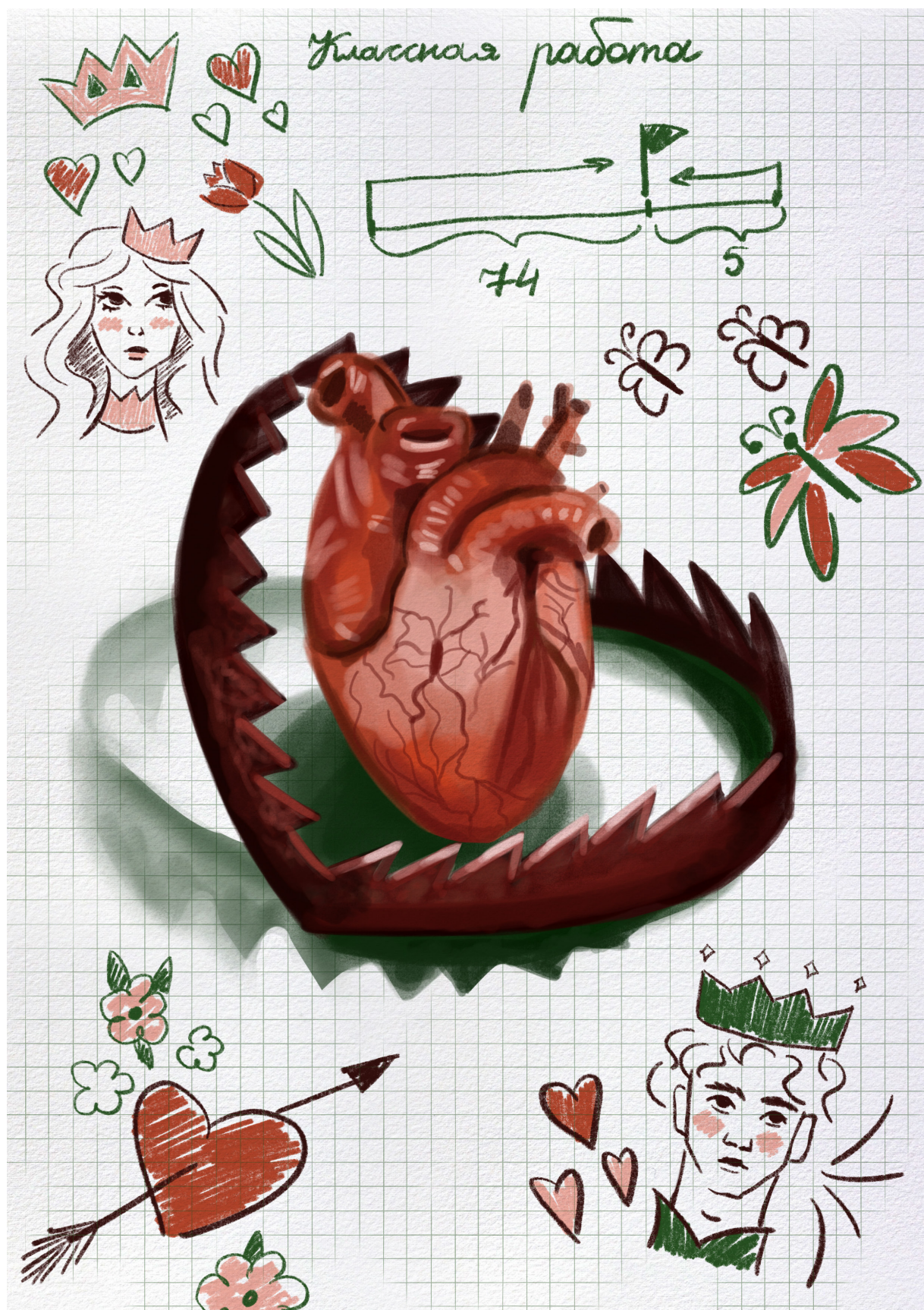
Наконец, я дома. Вот моя комната. На столе лежит бумага, чтобы написать что-то. Редактор журнала дал задание – к пятнице сделать обзор литературного события. Но я не знаю, о чем мне надо писать.

Может быть, я расскажу про Табэриутские чтения? Почему бы и нет! Но... рассказать будет не так-то просто. Во-первых, я на них никогда не был, а во-вторых, я сейчас упал со стула и забыл, о чем собирался писать.

Я лучше наконец обдумаю свой сон. Так почему же все-таки собака смотрела в реку и что она там увидела?..

ХВАЛИМ И РУГАЕМ

Анастасия Лапшина, Виктория Левотаева

ПЕРЕПИСКА ИЗ ДВУХ УГЛОВ

(Ники Сью. *Мой прекрасный враг*. М., 2023.

Вероника Фокс. *Спор на сердце*. М., 2023.)

— Переписка из двух углов: рассуждения не очень юных филологов о литературе young adult.

— Кто виноват? Что делать? И почему всех бьет током?

— Перфоманс не для публикации.

— Как и многие романы young adult.

Из переписки с друзьями:

Вероника Фокс «Спор на сердце»

Ники Сью «Мой прекрасный враг»

У них у всех пересыхают губы

Моих еще периодически бьет током

Герои: девочка-хорошистка

и мальчик-плохиш

ЧАСТЬ 1. РАЗГОВОР ЧИТАТЕЛЯ С ЧИТАТЕЛЕМ

Привет всем-всем девочкам, которым нравится читать книжки о любви.

О чем речь: в этой рецензии буду по возможности ласково ругать литературу young adult на примере романа Вероники Фокс «Спор на сердце». Поэтому если вдруг тебе нравится творчество этого автора, не читай дальше — в любви к книгам точно нет ничего неправильного, а твое желание защитить то, что поднимает тебе настроение, естественно. Но если ты чувствуешь, что что-то с этим автором не так, и хочешь разобраться, почему на самом деле читать эту книжку (и подобные ей) может быть даже опасно — присаживайся поудобнее, мы тут надолго.

Спойлер: мы даже обсудим, почему издательства на самом деле наживаются на тебе.

0. Очень важное послание

Читать можно и нужно все, что нравится, а у меня нет цели проповедовать пользу классики — это все и так тебе известно. Я вот в 13–14 лет иногда почитывала порицаемую всегда и везде Донцову, и ничего. Абсолютно ничего. Разные ситуации потребления есть, и книги для них подходят разные.

1. Они же одинаковые. И снаружи, и внутри

Давай пройдемся по книжному? Так, электронные рамки, впереди касса, и вот взгляд упал на самые яркие полки. Туда нам и надо. В ряд под разноцветными милыми ии-шными обложками скрывается young adult.

По сути своей отличная задумка — книги для подростков и молодых взрослых до 20 лет, в которых освещаются проблемы тинейджеров. И примеры прекрасные тоже есть. Но сейчас границы понятия размыты, и так называют практически всю литературу, главные герои которой — старшеклассники и студенты. И не очень качественную тоже.

Хватаем первую попавшуюся книгу — мне выпал «Спор на сердце» Вероники Фокс. Выбирать долго смысла нет: подобные произведения как две капли воды похожи друг на друга по сюжету и стилю. Героиня обязательно обращается к читательнице, ходя с кувалдой по тексту и без причин ломая четвертую стену, скорее всего найдется неудачная попытка перенести американские реалии в российскую действительность, история будет построена по сюжету “от любви до ненависти один шаг”, а повествование пойдет от первого лица.

И у Вероники Фокс это все есть. Читатель недоумевает: какой американский футбол в московском вузе? Еще и чирлидинг развит? А главный герой — мажор, который живет в роскошной усадьбе и почему-то только раздумывает над предложением отца учиться в Лондоне, но не едет? И почему вместо подробного рассказа о том, что произошло с родителями героини, я получаю только отписку, что это грустная история?

Но общее место всех книг young adult — это язык, которым они написаны.

2. Поиграем?

Я называю слово, а ты — ассоциацию.

Волосы — роскошные

Губы — пересохшие

Злит — чертовски

Улыбается — обворожительно

Солнце — яркое, лучи — первые, ласкают — землю

Глаза (тут сложнее): голубые — как океан (в котором кто-то обязательно утонет), темные — как ночь, зеленые — ведьминские

В этой игре невозможно проиграть, потому что это, можно сказать, минимальный словарь всех писателей young adult. И называется он “Лень придумывать интересные образы”. И Вероника Фокс им активно пользуется.

Например, по моим подсчетам, герои облизывали пересохшие губы не менее 8 раз за книгу. Либо у них всех горячка, либо автор не знает, как еще передать волнение, смятение и другие сложные чувства, которые все мы испытываем каждый день. Склоняюсь ко второму.

Или вот яркий образ, которым, очевидно, очень гордится писательница: “Ее голубые глаза смотрят на меня, а светлые волосы похожи на россыпь сахарной пудры и очень красиво лежат на ее плечах”. Хочется от себя добавить: как перхоть? Действительно, очень красиво.

А это пример типичного диалога двух студентов (мы же все через слово сыплем фразеологизмами в в устной речи?):

«— А я не знал, что второкурсницы могут так стильно одеваться.

— Никогда не знаешь, что таит темная лошадка, — язвительно говорю я».

3. Почему это плохо?

Потому что литература — это искусство, а плодить безликие истории по шаблону может кто угодно. Одно дело писать их в свое удовольствие и выкладывать на фикбуке или личной страничке. И совершенно другое — сотрудничать с крупными издательствами и публиковать их там. Помним-помним: с большой силой приходит большая ответственность.

Но слабая стилизация и засилье шаблонных фраз — это еще не все писательские грехи Вероники Фокс и других авторов young adult. Сюжеты могут нравиться, могут нет, а вот постоянные речевые ошибки и повторы, за которые даже в школе оценку снижают, — это просто неуважение к читателю. То есть к тебе.

«— Ну я найду, кого можно позвать! — многообещающе улыбается Лилия и прибавляет: — Конечно, список обговорю с тобой!

Я улыбаюсь ей, наблюдая, как она наматывает на палец локон черных волос и лучисто улыбается».

Даже если вынести за скобки неточности в пунктуации, в книге Вероники Фокс все еще останутся какие-то слишком дружелюбные люди, у которых не сводит щеки от бесконечных улыбок. А еще говорят, в России все мрачные и нерадушные.

Такими примерами пестрит буквально каждая страница романа. Все-таки хочется верить, что раз человек решил стать доктором, то он будет прописывать лекарства и делать операции профессионально. И писатель тоже должен держать планку качества текста, который он создает. Иначе вообще зачем оно все?

4. Ответ: это всего лишь бизнес

Ты купишь книжку за 500 с небольшим рублей, тираж — 2000 экземпляров. Получается, издательство планирует получить миллион за этот шедевр, который, похоже, редактор в руках не держал. И еще по мелочи за электронные версии в книжных сервисах. Миллион за роман, а сколько еще подобных? Вот такая математика.

5. Читать или не читать?

Выбирать только тебе, ведь главное — получать от чтения удовольствие. Любая литература имеет право на существование, и на пляже можно лениво просмотреть бульварный роман с простым сюжетом, почему бы и нет. Но вот в случае с неграмотно написанным текстом есть риск переплатить потом репетитору по русскому.

А про любовь и так написаны почти все книги мира, так что выбор всегда есть.

ЧАСТЬ 2. РАЗГОВОР ЧИТАТЕЛЯ С КНИГОПРОДАВЦЕМ

Спасибо, дорогая коллега, за напутствие нашим юным друзьям. Я бы хотела обратиться к нашим коллегам постарше, которые выпускают эти удивительные произведения.

Открыла книгу Ники Сью «Мой прекрасный враг». Об авторе ничего не известно, кроме псевдонима. О себе она пишет: «Пишу в жанрах: молодежная проза, подростковая проза и СЛР. Автор издательства Эксмо.Фридом и АСТ». Кто именно этот человек, для читателя остается загадкой.

Итак, «Мой прекрасный враг». Название интригует. Читаю: «Посвящается всем моим читателям,

близким людям и каждому, кто верит в любовь». Ну просто именины сердца, это про меня, я верю. Воодушевленно с мечтательной улыбкой на устах продолжаю чтение, взгляд падает на авторскую аннотацию: «Иногда мы принимаем слухи за действительность. **Воспринимаем людей, разглядывая их, под несуществующим углом.** Тогда как нет более правильного пути от одного сердца к другому, кроме как следовать по прямой дороге». Орфография и пунктуация автора сохранены. Перестаю улыбаться, глаз дергается, а вопрос, как можно воспринимать людей под несуществующим углом (если разбирать выделенное предложение согласно авторской пунктуации), повисает в воздухе, и (спойлер) к нему до конца чтения присоединится еще много подобных вопросов без ответа.

Ну ладно, один раз не считается. Наверное, редакторы и корректоры проглядели одну запятую, с кем не бывает? Как я поняла позже, с ними бывает, и довольно часто. Если они, конечно, вообще существовали, эти редакторы и корректоры. Есть стойкое ощущение, что я первый человек, увидевший авторскую рукопись. Потому что, если бы в издательстве это кто-то прочитал до меня, наверняка бы исправил хоть что-нибудь. Но...

Следуй за мной, читатель, и я покажу тебе, как строится текст, направленный на аудиторию 16+. Это важная деталь, запомните ее и иногда мысленно возвращайтесь, когда будете дальше читать о том, что попадает в руки прекрасных школьников. А это, разумеется, книга для них.

Чтобы продолжить вопрошать редакторов о том, как так получилось, кратко расскажу о героях и сюжете. Полина Королева — студентка первого курса. Запомним эту информацию, она нам пригодится. Так вот, девушка вся из себя правильная, за справедливость, очень красивая (сама говорит об этом), но всех парней отшивает, потому что в ее мечтах только Егор Власов, которому героиня «симпатизировала еще со школьной скамьи», и мысль о том, что они станут самой красивой парой на потоке, «особенно подогревала сердечко». Лучше, чем Ники Сью, я героиню не опишу, поэтому читаем:

«Собственно, я и сама выросла немного повернутой на этих самых нравах родителей: ложиться спать не позже двенадцати, носить только идеально выглаженные вещи, в клубы не ходить, броско не краситься, получать высокие отметки и выделяться среди остальных. Кто-то даже за спиной называл меня Снежной королевой, искажая фамилию Королева. И нет, делали это не из большой любви, скорее, из вредности».

И на пути нашей Снежной королевы вдруг появляется Максим Ледовский, он же Айс (потому что, видимо, холодный, как айсберг в океане), он же Мистер, пугающий в ночи, он же Господин «Все знаю лучше всех». От таких прозвищ уже голова кругом. Но не сдаемся. Кстати, однажды Айс назвал Полину «Мисс будильник», а ее брат зовет ее «мисс ведьма» — ну равнодушна писательница к интересным прозвищам на иностранный манер, что поделаешь. Этот Айс учится на третьем курсе этого же университета, но слышит чуть ли не криминальным авторитетом города. На третьем курсе. Да, ему где-то 20 лет, таких обычно весь криминальный мир и боится, точно вам говорю:

«О Максиме Ледовском, по прозвищу Айс, ходило приличное количество слухов: ошивался с наркодилерами, побывал в колонии, вроде прошлым летом. Говорили, они с друзьями нет-нет да и девчонок грязно домогались. А уж про то, что он имел авторитет не только в нашем институте, но и в принципе в городе, известно было доподлинно. Как-то мальчишки пошли на стрелку, вроде стенки на стенку, ну и позвали с собой Айса. Разборка закончилась не начавшись: Ледовский одним своим видом заставил людей обратиться в бегство».

И вот эти два одиночества находят друг друга, разумеется, при захватывающих обстоятельствах: Полина в порыве драки с младшим братом роняет с балкона свой дневник прямо на голову Ледовскому. А тот, нехороший человек, соглашается вернуть бесценную вещь только за исполнение Полиной десяти его желаний, в противном случае, грозит передать ее Президенту курса (какие функции у этой должности и что такого может случиться после этого, я так и не поняла). В общем, двенадцать подвигов Геракла, не иначе. Позже мы узнаем, что Айс на самом деле защищал честь своей сестры, которой показалось, что Полина увела у нее парня (хотя на самом деле просто парень неадекватный). Что сама Полина никакая не Снежная Королева, да и Айс не лед, а просто булочка, слушает классическую музыку, помогает отцу в работе элитного клуба для деловых встреч бизнесменов и вообще за мораль и нравственность. По пути к счастью, разумеется, эта пара проходит через ненависть, неприятие друг друга. Также наша героиня успевает спасти крупную сделку отца героя, сходить на свидание с мальчиком мечты и разочароваться, съездить в горы и застрять на подъемнике, и еще много-много всего. По ходу чтения удивлялась, какие же деятельные люди, в 18-20 лет все успевают, такая насыщенная жизнь. В финале, конечно, хэппи-энд: любовь на века, все рады и счастливы, поняли, что слухам верить нельзя, а про дневник вообще забыли где-то на второй трети книги. Что подделаешь, любовь зла, память отшибает у всех, даже у автора.

Много про сюжет говорить не хочется, и так все понятно. Претензии даже не к сюжету, пусть будет так. Гораздо интереснее, как все это написано. И вот тут возникает много вопросов не только и не столько к писательнице, сколько к редакторам, которые это выпустили в печать. Смею заметить, я читала книгу по подписке, а в бумажном варианте от издательства «Эксмо» за нее придется отдать около 500 рублей. Но не будем останавливаться на материальном, вернемся к духовному.

Повествование идет от лица 18-летней студентки, книга вышла в 2023 году, на какое-то конкретное время авторского указания не было, смею предположить, что действие происходит в современности. То есть на дворе 2023 или 2022 год, студентка эконофака изливает нам свою душу на страницах книги. Кстати, с какого-то момента на позиции повествователя ее начнет сменять Максим Ледовский, что, впрочем, ничего кроме личного окончания не изменит. И это тоже странно, мы не читаем стилизацию под дневник, но оба героя явно обращаются к читателю, по очереди рассказывая о событиях со своей точки зрения. Но дело даже не в этом. Вернемся к первой мысли и примем за аксиому: молодая современная девушка, живущая в одном из российских городов, рассказывает о своей жизни. А теперь смотрим, как она это делает, приведу несколько самых ярких цитат:

«Что касается Егора... Тихонова кривила от него нос, мол, высокомерный, важничает, положением своим кичится»;

«Именно так я и думала, но, видимо, заблуждалась. Хотя нет, я почти поставила свечку за упокой своей душеньки, когда спускалась вниз, в гости к Айсу»;

«Оставалось только решить вопрос с этим, дьявол его разрази, Ледовским. Каков нахал!»;

«Вот теперь я окончательно потерялась в ситуации: у него что биополярочка? Сначала хамит, потом требует кофе или горячий напиток – это, а ля, стол переговоров? Господи! За что эти муки ада на мою прекрасную голову?...»;

«Господи, ну не официантка же я ему, чтобы варить кофе! Он в конце не попутал рай с землей?»;

«Дьявол! Я что ему, уборщица? Неужели так сложно за собой прибраться?»

«— То есть если я это сделаю, ты от меня отстанешь?»

— Нет.

— Дьявол, — выругалась полушепотом. Бровь Айса поползла вверх, он даже отложил перекус. Теперь все его внимание заняла я».

Ничего странного не заметили? Создается отчетливое ощущение, что текст написан не по-русски. Во всяком случае, обычные люди так точно не говорят. Представим: вы расстроены или вас что-то удивило, или вы чем-то недовольны. Что вы скажете? Правильно: боже мой; о, господи; черт; ну или в крайнем случае воспользуетесь непере译имой игрой слов. Но выражать все эти эмоции словом «дьявол» в нашей культуре как-то не принято, если это, конечно, не калька или не перевод с англоязычного текста. Да и выражение «дьявол его разрази» звучит как-то жестковато для русской речи. Ни на что не намекаю, никого не обвиняю, просто прошу задуматься. К тому же хотелось бы видеть 18-летнюю студентку экономфака, которая говорит «кичиться». Выражение «попутал рай с землей» оставляю без комментариев, видимо, авторский неологизм.

И все в этой книге так. Лишние запятые, речевые ошибки, странные выражения, которых нет в русском языке. К концу произведения ты уже смиряешься и с сюжетными клише, и со странными характерами, это все мелочи. В конце концов, я знала, на что шла, когда читала описание. Но когда к концу книги доходишь до предложения: «Чуть успокоившись, я вышел на улицу и принялся ждать, когда Полина спуститься», — начинает дергаться глаз. Честное слово, уже неделю не проходит. Любой редактор или корректор, даже начинающий, что-что, а уж употребление -тся и -ться различает, и обязан вылавливать такие ошибки.

Ближе к финалу приходит осознание, что дело — труба, спасения нет: начинаются описания романтических сцен. Насладимся цитатами:

«И я поймал себя на мысли, что готов на любой безрассудный поступок, лишь бы Королева переключилась, перестала думать о плохом. Может то был личный договор с совестью, желание попробовать и отбежать, как от удара тока после, или еще что-то... Но я внезапно потянулся к ее лицу, будто одурманенный одним желанием — поцеловать. Всего секунда разделяла нас от запретной близости, но нарастающая паника в ее глазах, как сигнал бедствия, подтолкнула меня, срывая спусковой крючок. И я под властью неконтролируемой силы накрыл губы Полины, коротко целуя девчонку», — к слову, герои сидели на подъемнике, он застрял, и ничего лучше поцелуя как лекарства от панической атаки никто, разумеется, не придумал.

«Сердце чуть не остановилось, и нет, дело было далеко не в подъемнике, который почему-то решил дать сбой. Это Максим, его чувственные губы, вкус ментола и обжигающее дыхание, а еще горячие руки, что сжимали мои плечи. Я будто упала куда-то на мягкое облако, ощущая безграничную свободу, теплоту за ребрами и безмятежность, которая накрыла мое тело», — какую такую теплую безмятежность за ребрами ощутила героиня, так и осталось для меня загадкой. А еще дело происходит зимой в горах. Это какие же у него горячие руки, что она почувствовала их через горнолыжную куртку.

Еще про поцелуй: *«Казалось, мы теряем остатки кислорода, казалось, вдыхаем звездную пыль, что оседала в легких и сводила разум с ума. Я и не думала, что целоваться можно до исступления, до стонов, которые срывались с губ, до дикого желания никогда не разрывать этот поцелуй», — а вы представляете, как ощущается вдох звездной пыли? Если нет, то вы как-то неправильно живете, потому что тут*

у людей вон какая любовь. Сейчас хотелось бы предупредить: слабонервным и впечатлительным читать с осторожностью: *«Его губы с каждой минутой становились более требовательными, а я, окончательно осмелев, начала заигрывать в этих ласках, перенимая инициативу на себя. Иногда прикусывала кончик нижней губы Максима, иногда неумело касалась его языка, чувствуя, как **вибрирует тело и оголяется каждая клетка**»,* — какая клетка там у них оголилась, что они аж завибрировали, я не знаю. Я плохо помню, как читала это, плакала от смеха. А людей, между прочим, продолжало бить током, их бы пожалуй, а не смеяться: *«Этим вечером мы целовались так, будто в последний раз – надышаться друг другом не могли. Я чувствовала руки Макса, казалось, от кончиков его пальцев исходят электрические разряды, заставляющие каждый участок тела вибрировать. Внутри меня медленно **разжигался жар**, который невозможно было погасить. Теперь невозможно»,* — выражение «разгорался пожар» знаю, но ситуацию, как жар сам себя разжигал, представить не могу.

«Вот это любовь!», — скажете вы.

«Это еще не все», — отвечу вам я.

«Я смотрела на него, на парня, зажигающего звезды в моей глупой девичьей Вселенной, и не могла понять, как мне поступить. Я окончательно запуталась».

Читатель в исступлении, поражен и не знает, как жить дальше. Книга заканчивается так: *«Ладонь Максима легла на мою шею, а его губы коснулись моих губ. <...> Нежность сменилась **страстью, заставляющему меня прижаться ближе к Макс, как к своему единственному спасению.***

И когда он вдруг отстранился от меня, я поняла: этот парень целуется слишком сладко, настолько, что я никогда не смогу отказать ему в чем-либо.

– Что? – прошептала я. *Макс смотрел с нескрываемым обожанием, словно перед ним расцвел цветок, который не цвел тысячелетиями. Он будто наблюдал за чудом наяву, и это заставляло меня чувствовать себя по-настоящему особенной.*

– Пошли знакомиться с родственниками.

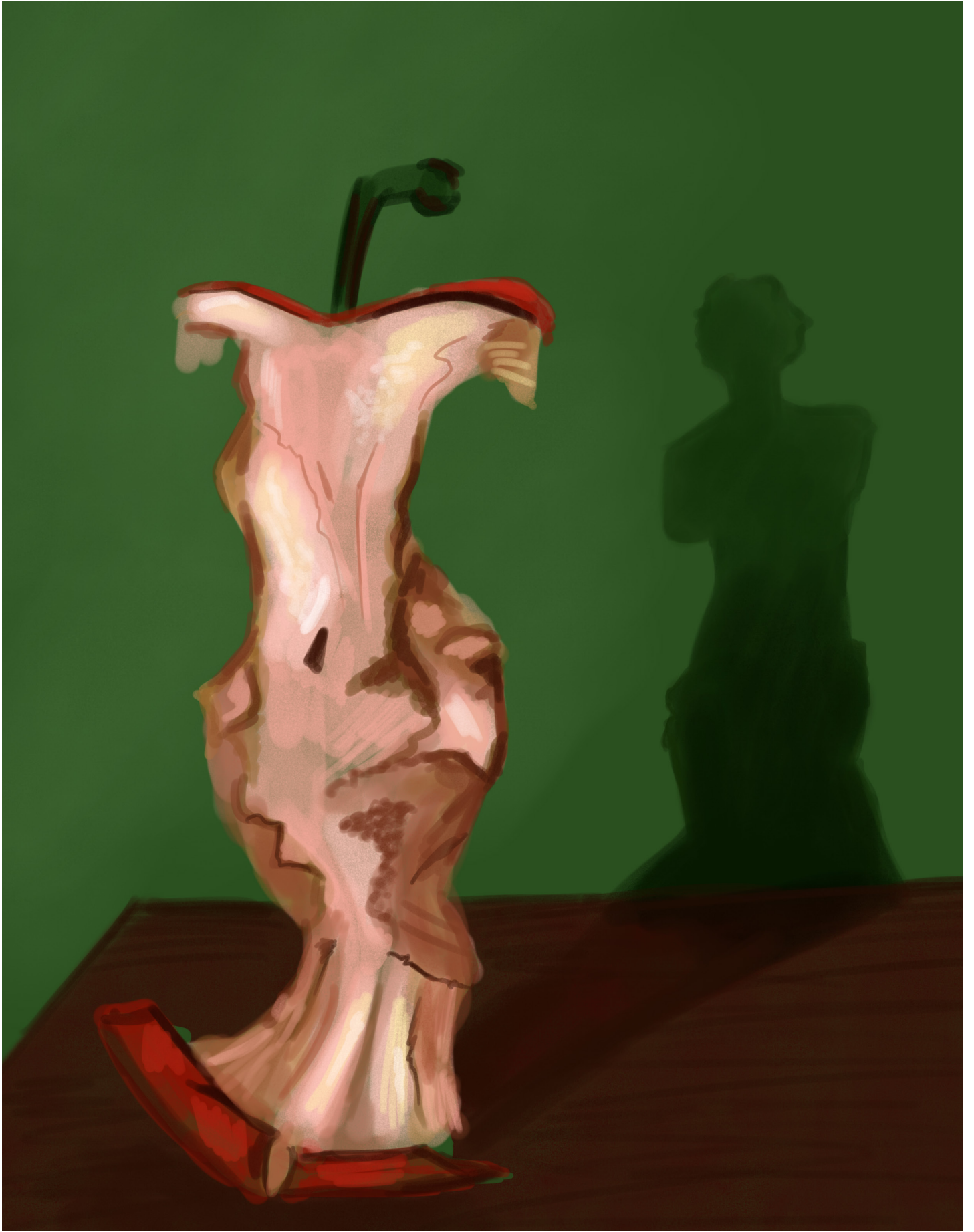
– Ну пошли. Только будь хорошим мальчиком.

– Тут уж как пойдет, – усмехнулся Максим и взял меня за руку, потянув за собой наверх».

Книга закончилась, а вопросы по-прежнему остались. Я не говорю о том, что это не следовало писать, хотя, наверное, так и есть. Но каждый волен делать, что его душе угодно, мы не можем заставить человека не писать, если ему хочется. Пожалуйста, можно сколько угодно размещать свои произведения в интернете. Но когда речь идет о книге, опубликованной и напечатанной достаточно известным издательством, и люди платят деньги, чтобы ее прочитать, хочется чувствовать хотя бы какое-то уважение к читателю. Да, слог писателя может быть неровным, он может допускать ошибки, но зачем тогда нужен редактор и корректор? Разве не затем, чтобы это исправить? Ведь вы же взяли эту книгу, она вам показалась интересной, так сделайте ее хотя бы читабельной. Вспоминаем о маркировке 16+ и понимаем, что это будут читать дети. Почему, если вы делаете продукт для подростков, он должен быть некачественным? Понятно, что, скорее всего, эти девочки будут читать такие книги ради сюжета, и, может быть, даже не заметят ошибок и неточностей. Но это не значит, что можно вслепую брать и печатать тексты, не прошедшие никакой редакторской правки. А если они ее прошли, то все еще грустнее. И тут уже не до смеха.

P.S. И все же закончим на позитивной ноте. Как говорится, желаю каждому найти человека, который будет смотреть на вас так, словно перед ним расцвел цветок, который не цвел тысячелетиями.

Елизавета Крепостина

ЛАДНО, ДАВАЙТЕ БЕЗ ДРАМ.

(Светлана Павлова. Голод. Нетолстый роман. М., 2023.)

Книга «Голод. Нетолстый роман» вышла в «Редакции Елены Шубиной» в 2023 году, она помещена в серии «Роман поколения». В 2024 году произведение попало в лонг-лист премии «Ясная Поляна» в номинации «Современная русская проза». Ее создательница Светлана Павлова – писательница, резидентка Дома творчества Переделкино, выпускница магистратуры «Литературное мастерство» НИУ ВШЭ, «WLAG» и «Creative Writing School». Еще до начала повествования автор снимает с себя ответственность уже привычным для современного читателя (или зрителя) дисклеймером: «Все адреса, телефоны и имена вымышлены, любые совпадения случайны». Писательница отмечает, что книга не является призывом к каким-либо действиям и тем более романтизацией заболевания, наоборот, Светлана Павлова выражает надежду на то, что читатели не будут ограничивать себя в приеме пищи, научатся любить себя, перестанут обращать внимание на общепринятые стандарты красоты и идеального тела.

С первых страниц нетолстого романа (с тонкой иронией определен жанр произведения – он намекает и на объем книги, и на РПП) обращает на себя внимание авторский слог. Книга читается легко и ненавязчиво, не является замысловатой и сложной для восприятия. Однако текст насыщен современными словами и выражениями, которые, с одной стороны, могут стать маленькой пыткой для некоторых читателей, а с другой, являются приметой времени: скрипт, своп, саппорт, СМО, CRM, «Слак», сталкерить, скроллить, заапрувь, CEO, self-made, бриф, хейтвотчинг, кинки-вечеринки, ван-найт-стенд, ланьярд, метаслежка и другие. К счастью, к некоторым из них даны авторские примечания, но далеко не ко всем, что моментами усложняет восприятие текста. Появляются вопросы к работе редактора, на страницах романа внимательный читатель заметит ошибки: «терапеветка» (вместо «терапевтка»), «к тому же я хорошо представляла, что он скажут» (несогласование по роду и числу), сомнительный перенос слова «ан-орексичка».

Роман напоминает скроллинг (в терминах автора) страницы начинающей блогерки в Инстаграме, которая в своих постах исповедуется на тему расстройства пищевого поведения. Главной героине романа Лене тридцать лет, она закончила журфак в достойном вузе Москвы, ее жизнь по всем клише и стереотипам удалась – она имеет социально одобряемую работу в креативном агентстве, снимает квартиру внутри Садового кольца и имеет собственную жилплощадь за пределами МКАД: «Ну как собственная – я на двадцать лет в кабале у банка, но это детали». Однако Лена не любит себя и свое тело, многие годы она совершает «гастрофокус» – сначала уничтожает еду, а потом вставляет два пальца в рот и ... Светлана Павлова поднимает важную проблему, но предлагает неоднозначное решение – к стадии ремиссии героиня приходит во многом благодаря вступлению в отношения с Иваном Шушаловым, мужчиной, страдающим от клептомании. Помогая друг другу, они постепенно налаживают свою жизнь и пытаются выйти из порочного круга аддиктивного поведения, пустоту внутри они заполняют теперь не едой и вилками/ложками, а друг другом.

В романе транслируется идея того, что искренне поддержать человека может только тот, кто пережил такой же опыт: «Проблема проста: люди вне зависимости не могут понять». По этой причине героиня посещает группу поддержки людей с РПП, что является отличным решением проблемы. Однако эта мысль только отчасти является верной, ведь необязательно совершать попытку суицида, чтобы оказать поддержку человеку, причиняющему вред себе. Часто люди избавляются от одной зависимости, но

пристращаются к другой, более легитимной. Для Лены такой зависимостью стали отношения, читатель может воспринять это как призыв к действию вместо глубокой работы с психологом. А обсуждать со специалистом определенно есть что – мама героини с самого детства волновалась о том, поела ли она, и тут же угрожала лишним весом: «Все разговоры в доме крутились вокруг двух вещей: женской физиологии и еды». Отсюда и психологические проблемы, складывается впечатление, что мама Лену не любила, а если и любила, то очень по-своему: она оскорбляла, критиковала и высмеивала ее при очередном любовнике, приходила на родительские собрания с сильным перегаром и не посещала ее выступления: «Она страдала: “Четырнадцатый годок пошел, ты уже сейчас давай следи за собой, носи платья, жопу не отращивай. Мужики примитивные: им надо жрать, спать и давать. В этом наша сила. Усекла?” (Я, к сожалению, усекла)». Теперь героиня раз в неделю посещает психотерапевта, но проблема в том, что делиться всеми переживаниями она даже не собирается: «Еще откажется от меня, упаси господь». Череду неудачных скоротечных романов позволяет героине очень рано познать «баланс мироздания»: «нездоровые отношения – здоровый вес».

Преимуществом произведения является обращение к гендерной проблематике и феминистским мотивам. Начальница Лены Татьяночка Борисовна (Тэ Бэ) предпочтению в распределении рабочих проектов отдает ленивому, но сексуальному Феде. С ним главная героиня знакома еще с университета: «Федя почти никогда не получал четверок. Про тройки и двойки я вообще молчу. Мальчик на журфаке, да еще и не на отделении спортивки и политики. Экзотика». Лена же «вкалывает как проклятая, чтобы получить повышение» и одобрение начальницы, иметь ДМС и скидку на заморозку яйцеклеток, потому что 14-ая страница паспорта все еще остается пустой, но удостаивается только эмоционального выгорания и впоследствии увольнения. Героиня «изголодалась» по любви, уважению, по нормальному скучному сексу без экстрима и ролевых игр. Так, Сергей, бойфренд с работы, старался познакомить Лену с миром перверсий: «Кажется, я могу по пальцам пересчитать, когда мы занимались сексом в горизонтальном положении на обычной кровати». Восхищает ирония автора, которая дает пищу для размышлений читателям: «... почему слова “дать” и “доступный” применяются к женщинам, но никогда не к мужчинам. Ведь я ничего не “даю”. И убыло-то, если вдуматься, не от меня».

Эмоциональный самоконтроль всегда считался необходимым свойством «настоящего мужчины», многие из них испытывают потребность выглядеть сильными и уверенными. Героиня романа отмечает, что Сергей был «весь из себя маскулинный»: «Он говорил о чувствах, не называя самих чувств, всегда через придаточные предложения с частицей “же” и “ну” (ну ты же знаешь, что мы взрослые люди и все друг про друга понимаем)». Культурная система познания, сформированная обществом, искажает восприятие индивидов в отношении гендерных ролей, подобно кривому зеркалу. Характеристики и поведение людей часто делятся на маскулинные и феминные категории, например, понятие «нежный» относят к категории феминных, а «уверенный» – маскулинных: «Что за странная манера – мерить женскую уверенность в себе наличием яиц...».

Лейтмотивом, соединяющим все сюжетные линии, становится трогательная переписка героини с бабушкой, которая живет в городе ее детства и юности – Астрахани. Финал определяет важность этих писем (чем бы ты ни занимался, твоя потеря всегда с тобой). Образ бабушки хрустальной чистоты списан с реальной бабушки автора – Павловой Валерии Петровны, в благодарностях мы узнаем, что перед своей смертью она дала разрешение на публикацию писем. Из домашних дел бабушка Лены умела только варить пельмени и картошку, зато она была наблюдателем на выборах и активным участником

политической жизни страны, призывала знать конституцию наизусть. Ба хвалит американского президента за то, что он отказался от зарплаты, отмечает остроту, свойственную Марии Захаровой, следит за ходом дела Ивана Голунова. Бабушка является полной противоположностью матери Лены, она не заставляла главную героиню посещать церковь, носила темное (мама любила яркое), устроилась на полставки в библиотеку, чтобы бесплатно читать (мама смотрела телевизор): «Мать в легкую разделявала любовников в “очко”», Ба жаловалась на то, что не с кем играть в шахматы и (тщетно) пыталась научить меня». Даже надгробные памятники маме и бабушке были разными, несмотря на то, что делал их один человек: «Одна плита скосилась, вторая стояла ровно». Благодаря бабушке у Лены оставалась надежда на будущее, было понимание того, что необязательно идти по одной дороге с родителями.

Переписка Лены с бабушкой представляет собой особую ценность для литературоведов, так как она помогает воссоздать библиотеку автора и является ключом к творческому миру Светланы Павловой. В ней упоминается «Семейная хроника» С. Аксакова, «Над пропастью во ржи» Сэлинджера Д., «Обитель» З. Прилепина, «Клеймо» С. Ахерн, «Лестница Якова» Л. Улицкой, книги Д. Донцовой.

В ходе повествования писательница с точностью передает будни работающей в офисах московской молодежи, переживания об этичности использования курьерского труда: «Я обещаю себе поменьше ездить на такси и больше ходить пешком, убираюсь перед клинингом и свято верую в то, что страдания курьеров-мигрантов окупают мои чаевые». На страницах книги Светлана Павлова касается проблемы национализма, друг Лены Федя недоволен тупыми таксистами, строителями и уборщиками, он желает, чтобы они все вернулись к себе домой: «Я лучше денег буду больше платить, но пусть нормальные люди меня обслуживают. Славяне хоть». Автор убедительно показывает соотношение центра и периферии в бытовом сознании людей, в подростковом возрасте Лена поставила перед собой цель поступить в Москву, чтобы «стать человеком»: «В тот момент я не подвергала сомнению эту идею, не спрашивала себя: а может ли конкретный город сделать человека – человеком, и верно ли, что сейчас, вне Москвы, я, получается, не человек?».

Перед нами «роман-травма», «роман поколения», роман о жизни каждой современной девушки, проживающей в столице. Состояние здоровья и внешняя привлекательность служат важными критериями удовлетворенности жизнью. Многие из нас не подозревают о том, что от человека, который сидит на низкоуглеводной диете, пахнет ацетоном, а когда он уже не может вызвать рвоту, то прибегает к карандашам и проволоке. Принято считать, что у РПП женское лицо, но современные мужчины тоже сталкиваются с булимией, мужчины и женщины по психологическому складу хотя и не идентичны друг другу, но и не полярно противоположны. Однако важно отметить, что отношения с противоположным полом не могут стать решением всех проблем, и в этом читателям не стоит следовать за героиней романа «Голод» Светланы Павловой.

ПСОГЛАВЕЦ ПОКУСАЛ

(Алексей Маврин. Псоглавцы. СПб., 2011.)

Так ли важна целостность произведения? В 2011 году один из главных современных писателей-реалистов Алексей Иванов («Географ глобус пропил», «Сердце пармы», «Ненастье», «Тобол», «Пищеблок» и многие другие замечательные произведения) выпустил роман «Псоглавцы», почему-то под псевдонимом «Алексей Маврин».

Загадочный частный фонд при ЮНЕСКО нанимает трех молодых парней, Кирилла, Гугера и Валерия, чтобы они вывезли икону святого Христофора из полуразрушенной церкви в селе Нижегородской области. Когда-то давно на этих торфяных местах располагались Керженские скиты, в которых старообрядцы, спасаясь от реформ Никона, обосновали свою общину. В старообрядческой традиции Христофора было принято изображать как великана с собачьей головой. Однако фонд заинтересован не столько в сохранении иконы с псоглавцем, которых и правда осталось очень мало в России, сколько в изучении культуры — «социального бытования» памятников и объектов. Молодые люди отправляются с миссией из Москвы в бедную деревню Калитино, где главный герой Кирилл встречает немую девушку Лизу, а работе в церкви мешают и персонажи вроде тюремного завсегдатая Сани Омского, и вполне пугающие мистические собаки, охраняющие свой мир от пришельцев. Псоглавец в романе предстает во множестве ипостасей: он и библейский святой, покровитель этих мест, он и древнеегипетский Анупис, он и страж лагерной зоны, «Бог конвоя», что разрывал беглецов на части, он и воплощение опричной власти. Псоглавец — одновременно и символ борьбы с гнетом, и сам этот гнет. И пока мое сознание рисовало мне великолепный хоррор, может и не Гоголевского разлива, но хотя бы Стивена Кинга в атмосфере русской глубинки, с жуткими оборотнями, разрушенными церквями, жителями деревни, что служат нечистой силе, и прочим бестиарием хтонического, пришла реальность и шепнула: «К сожалению, это очень слабый роман».

Во-первых, на описанной завязке сюжет примерно и заканчивается. Есть, например, в романе любовная линия между Кириллом и Лизой — вообразите себе ее развитие. Не надо быть искушенным читателем, чтобы с точностью до сцены, до реплики предугадать, как в заданных обстоятельствах будет катиться этот мяч, в какой части книги расположена постельная сцена и чем это дело кончится. Ходульные персонажи вслед за шекспировскими Ромео и Джульеттой повторяют «Я тебя люблю», но проблема в том, что автор тут явно забыл перемешать элементы штампованной истории, чтобы они заиграли новыми красками. Наш сюжетный мячик докатывается до развязки, в которой Алексей Иванов, до того методично выставлявший фигуры на доске, вдруг начинает эту самую доску неистово трясти, будто пытаясь разбудить задремавшего читателя — погонями на дрезине, кражами, предательствами и убийствами, которые, если быть совсем честными, описаны очень увлекательно.

Но это было бы полбеда. Главный герой романа — Кирилл. Главная героиня — Лиза. Но еще один главный персонаж — это гугл. Примерно треть книги Кирилл проводит в компании с собственным ноутбуком, в котором читает все, что Интернет выдает по запросу «псоглавцы». И здесь без шуток — Алексей Иванов действительно собрал очень неплохой материал по этой теме, который будет полезен как студентам, так и просто всем интересующимся. Добавить сноски к цитатам и библиографию — и можно пользоваться. Непонятно только, почему автор, ничего не преобразуя, вставляет всю найденную им историю мирового псоглавства в художественный роман. Да и будут отвлекать читателя научпопа все

эти диалоги в ЖЖ о компьютерных играх.

С точки зрения правдоподобия здесь все совсем грустно. Алексея Иванова хочется спросить: пользовался ли он до 2011 года когда-нибудь гуглом? Видел ли он, что интернет действительно выдает по таким запросам? И как быстро бы Кирилл прекратил свои поиски, когда в десятый раз прочитал одну и ту же статью на сайте, всю информацию скопировавшем с Википедии? К сожалению, здесь то ли сказывается спешка, то ли писательский талант отказывает Иванову, но интернет в романе — это калька с библиотеки. Ее он изобразить почему-то не может в глубинке, которую описывает, вот и приходится подменять один медиум другим. Причем наш автор добавляет некоторую интригу во всю историю с чтением статей в интернете, даже вводит клиффхенгеры. Но и это доходит до абсурда, когда Кирилл перед самой развязкой с трудом ловит сеть, выкраивает несколько минут посреди бушующих событий, чтобы, наконец, прочитать «Доношения» некоего Павла Мельникова от 1849 года, из которых он узнает, как все же старообрядческие скиты были разрушены. Конечно, ничего же важнее в этот момент не существует.

Хорошо, но каков посыл этого романа? Какое такое вечное в него заложено, ради которого все не зря? Алексей Иванов в интервью не раз подчеркивал, что Россия представляет собой не единое целое, а множество разных культур. В отношении к «Псоглавцам» это очень точно формулирует Лев Данилкин, что я с восхищением процитирую: «Основа романа — не сверхъестественный антураж, а история о конфликте двух миров. Идея, которую “Псоглавцы” (скорее метафора, чем сюжет) иллюстрируют: Россия — пространство, разделенное на “зоны” с разными жизненными практиками; население “зон” реагирует и на вторжение чужаков, и на попытки аборигенов выйти за колючую проволоку». Проблема только в том, что форма, в которой эта идея воплощена в романе, в таком виде неверна и просто оскорбительна. Москвичи показаны так, как их примерно и представляют себе люди из провинции (и которых сам Алексей Иванов к 2011 году, видимо, тоже не видел): например, в первой главе они въезжают в сельскую местность на Мерседесе (потом выяснится, что он служебный, но неважно) с сигаретой в одной руке и бутылкой воды Perrier — в другой. И да, культура в этом романе — это не Пушкин и Достоевский, она здесь понимается скорее как быт, что окружает героев.

Но если обыденность москвичей показана довольно клюквенно, то изображение жителей деревни Калитино — это, извините, унижение человеческого достоинства. Вместо всех остальных примеров напишу об одном. Есть в романе такой персонаж, Лешка Годовалов. Много лет назад он изнасиловал Лизу, после чего она и стала немой, а теперь он снова по праву силы к ней приходит. Свидетелем этой ужасающей сцены становится Кирилл, который самоотверженно бросается ее спасать. Но местные жители пытаются Кирилла, а не Годовалова, остановить:

Кирилл замер, не зная, что делать. Все это было нестерпимо нелепо. Причем тут он? Здесь, в деревне, уже не люди – так, какие-то человекоподобные существа, бандерлоги, троглодиты. У них своя жизнь, свои правила, свои отношения... Они друг с другом пьют, друг у друга воруют, друг друга имеют, варятся в своем котле... Они уже не из нормального мира, который с онлайн-трансляциями, шаттлами, дауншифтингом, стрипрейсерами, феттучини альфредо... Они живут в своей гнилой вечности, где на гнойнике одного поколения нарастает гнойник другого, и эта простейшая грибница поганок не знает смерти, повторяясь, повторяясь, повторяясь...»

В одной культуре принято насиловать женщин; видимо, москвичам свойственно проходить мимо — так что ли? Идея о том, что москвичи живут хорошо за счет провинции, в романе почему-то высмеивается

на примере Сани Омского: мол, действительно ли Кирилл живет за его счет, или здесь иная конфигурация? В этой логической цепочке пропущено несколько звеньев, но в целом ведь так и есть. И уж совсем оскорбительно звучат слова автора о том, что деревенское племя надо изучать уже не по Проппу (то есть не как культурную общность), а по Леви-Строссу (как аборигенов). Великий ученый в этот момент переворачивается в гробу: слишком много сил он потратил, чтобы показать, что якобы прогрессивный западный город ничем не лучше и не хуже бразильского племени, а их поведенческие практики в массе своей схожи. Не будем обсуждать, есть ли развитие, существует ли прогресс, или же один ритуал сменяется другим. Но зачем писать, что люди деревни Калитино людей напоминают «только физиологически»?

И проблема такой «негуманности» миров Иванова, к сожалению, — это не случайная авторская ошибка, а позиция. Его недавний роман «Вегетация» о радиоактивном лесу, что обрел самосознание, и о группах лесорубов, что отправляются на промысел в опасные дебри, кишмящие ожившими машинами, удался автору лучше «Псоглавцев» во всех отношениях. Но и в нем Иванов, противопоставляя город и деревню, снова «ругается» антропологией: «Потому что здесь не этика. Здесь <...> антропология» — говорится о провинциальных жителях, что лишены высоких чувств, глубокой морали и всесторонних познаний о жизни. И очевидно, что Иванова куда больше интересуют социальные группы людей и их столкновение друг с другом, а не человек в его индивидуальном величии. Он может возвыситься, только если выйдет за пределы своей «зоны», только если в его группе появится чужак, который подтолкнет к изменениям. Это и происходит с одним из героев романа, который в его концовке почти что возносится к людям в белых одеяниях. Хочется только больше человечности от автора к другим. Например, можно не называть их «со-рняками». Но вернемся к мистике об оборотнях.

С точки зрения языка, которым написаны «Псоглавцы», тоже далеко не все гладко. Основная проблема — это сухость и авторская неизобретательность, иногда сменяющаяся какими-то пошлостями:

«Лиза помолчала и кивнула. Они стояли и смотрели друг на друга.

— Ну так води меня, — осторожно произнес Кирилл.

Это указание прозвучало совсем странно, будто он попросил Лизу привести его сразу в постель».

Спишем это на авторскую промашку или пресловутую спешку. Тем более что по соседству с приведенным опусом живут и такие описания:

«Кроссовки хрустели сором, половицы вздыхали, под штукатуркой что-то едва слышно шуршало, осыпаясь. В одном из классов парты стояли рядом, как во время учебы, и у Кирилла шевельнулись волосы: он понял, что за партами на каком-то невыносимо тоскливом уроке сидят невидимые ученики, они повернули головы на стон открывающейся двери и молча смотрели на Кирилла. Кирилл захлопнул дверь. Чему учили в том потустороннем мире?»

Или, например, так в романе впервые появляется мать Лизы:

«Он отыскал в штакетнике калитку, зашел на огород и через грядки стал пробираться к старухе. Старуха тяпкой окучивала картошку. Только вблизи Кирилл увидел, что старуха передвигается с помощью табуретки. Одна нога у старухи то ли не сгибалась, искалеченная артритом, то ли не держала, парализованная, и старуха переставляла перед собой табуретку, опиралась на нее обеими руками и вместо шага совершала какое-то странное телодвижение, подволакивая себя вперед. В этом было что-то от насекомого. Похоже ползает жук с оторванной конечностью, припадает на бок. Но у наблюдателя нет ощущения, что жук страдает. Повреждённый робот, не более».

За этими проблесками в «Псоглавцах» скрывается действительно отличная атмосфера хоррора. И это та причина, почему я обращаюсь к роману, вышедшему больше десяти лет назад. Обидно за эту историю и грустно, что попытка написать русский триллер об оборотнях ушла в пустоту. Вот бы нашелся какой-нибудь режиссер, который вырубил бы из этой разрушенной церкви, подобно персонажам романа, густоту русской хтони и воплотил ее на экране. Получился бы отличный фильм. Но для этого своих героев нужно полюбить.

НЕВЫНОСИМАЯ ТЯЖЕСТЬ БЫТИЯ. ИСТОРИЯ О ЖИЗНИ
«НАСТОЯЩЕГО ПИСАТЕЛЯ» В КРАСНОДАРЕ

(Анна Иванова. Краснодарская прописка. Издательский дом «Городец», Москва, 2023)

Это будет история о том, как я пришла к выводу, что некоторые книжки нужно не просто пленкой обматывать, а скотчем заклеивать и убирать на самые дальние полки, чтобы глаз не зацепился.

Скрываясь от холодных порывов осеннего ветра, мы с подругой зашли в книжный магазин «Во весь голос» на Трубной. Вообще-то хотели в соседний ресторан китайской кухни, но свободных столов для нас не нашлось, а вот перед книжными полками толпа не стояла. Зато там меня ждала книга, мимо которой я не могла пройти исключительно из-за названия. Первой тоненький голубой томик «Краснодарской прописки» за авторством некой Анны Ивановой заметила моя подруга, хорошо знакомая с моей любовью ко всему краснодарскому и южному. Выросшая на Кубани, я, конечно, обрадовалась: наконец-то прочитаю книгу о Краснодаре, написанную «настоящим писателем», в чем меня убеждали слова Вадима Левенталья на задней стороне обложки. Радость, к сожалению, была преждевременной, но выяснилось это лишь после распаковки чудесной находки. Итак, теперь вы знаете, как начиналось это знакомство, но его история оказалась печальной.

Аннотация гласит: «Якутянка по воле случая переезжает в Краснодарский край, и новый город покоряется ей. После Ленска оказаться в Краснодаре, казалось бы, непросто, но ей по плечу многое, если не все». Однако не ждите истории покорения. Ждите просто историй – связанных и не очень. Из симпатичного в книге оказалась только обложка и форзац с едва различимым силуэтом девушки на фоне елового или соснового леса. Но тут уж пускай «настоящий писатель» простит мне неосведомленность, все-таки я родилась рядом с «узенькой Кубанью зеленого цвета», не на берегу прекрасной Лены, а читатель практически с первых строк узнает о скудных познаниях жителей Краснодарского края: «Если вы коренной краснодарец, то вряд ли знаете хоть что-нибудь о Ленске и Якутии». Почему так сложилось, что о Якутии не знают одни лишь краснодарцы, история умалчивает, никаких социологических опросов не приводится, факт обезоруживающий. Вероятно, здесь Иванова нащупывает какую-то невероятную историю заговора (из тех что «одна упоительнее другой», как убеждал Левенталь в описании), но почему-то не идет дальше и не рассказывает о том, как по ночам краснодарские учителя географии, усердно работая ножницами, вырезают из карты России огромный кусок под названием «Якутия», следуя мировому заговору.

Вернемся к «Прописке» – о ней, как и о Краснодаре, во всей книге находится парочка слов. Остальные тысячи делятся на две категории: рассказы о бурных любовных похождениях и россыпь житейских мудростей. Сюжет в книге отсутствует, как и связь между главами и даже абзацами: текст делится на 1001 главку со странными названиями по типу «быть женщиной», «цветы», «никотинопись», «флешбэки», «метафизическая антресоль» и далее, далее. Закрадывается впечатление, что «настоящий писатель» с упорством маньяка собрал все свои посты из упомянутого в книге телеграмм-канала, запихнул их в общий файл, но забыл перечитать. «И так сойдет!», как говорил Вовка во всем известном мультфильме. А потому иногда кажется, что читаешь не художественное произведение, а женский форум. Тут вам и о сексе, и о музыке, и парочка советов бывалых. Ну и куда же без рассказов о том, что «Краснодар душный не столько в плане климата, сколько во внутреннем ощущении, будто тебя постоянно кто-то держит за горло» и что «в Краснодаре телки визжат от вида дорогих тачек, заучивают их названия и любят

мечтать вслух о том, как бы покрепче связаться с их обладателями». Распушенность страшная, то ли дело рассказ об очередном романе вынужденно живущей в гнезде разврата якутянки: «Каждая наша встреча сводилась к тому, что он не мог совладать с собой и пытался меня трахнуть». Очередной пример высоких отношений, которыми пестрит повествование.

Отвлечемся от бесконечного сравнения родного для автобиографической героини Ивановой Ленска и почти ненавистного ей Краснодара и приглядимся к Анне. Многое быстро становится на свои места: героиня-то (то есть сама Иванова) – журналист! Получила образование в КубГУ, работала в местных изданиях. Для поклонников своего таланта «настоящий писатель» любезно дает в книге парочку сносков на статьи в электронных изданиях (тут речь уже не о простых поклонниках, а о серьезных фанатах, поскольку перепечатывать все эти <http...> возьмутся лишь они) и упоминает название статьи «Первое SLOVO: Краснодар как родина баттл-рэпа в России», за которую получила премию «Искра Юга», как сообщает сайт издательского дома «Городец», подаривший миру печатную версию шедевра Ивановой. Заканчиваем с наградами (скорее всего навеки) и продолжаем знакомиться с графоманскими мемуарами, возведенными Левенталем в ранг серьезной художественной литературы. Своим образованием автор, вероятно, гордится – ему, как и умению писать качественные тексты, отводится целая глава «текстовая составляющая». Начинается она, правда, с распытия филологов. В книге читаем: *«Я побаиваюсь людей с высшим филологическим образованием: как правило, они изъясняются заумными словесными конструкциями. Видимо, в оправдание подаренных обучению лет и прочтению сотен не имеющих к реальности, но намертво закрепленных в образовательной программе текстов. На филфаки, на мой взгляд, несправедливо поступают в основном девочки, но надеюсь, что оказывающиеся там мужчины реально в совершенстве владеют языком»*. Каламбур оценен на сто из десяти. И вот тут мы подходим к главному – к языку. Левенталем был заявлен «прекрасный русский», но заявка потерялась. Не знаю, что страшнее: общаться заумными словесными конструкциями или читать книгу, написанную Эллочкой-людоедкой. Текст Ивановой – гибрид статьи в плохой региональной газете и словаря русского мата. О стиле говорить не станем, о мертвых или хорошо, или ничего. Просто процитируем первую главу:

«– Ебать, ты грамотно базаришь.

– Я журналист.

– Я понял».

Тут-то мне и захотелось закрыть книгу, но я дала ей шанс – и зря. Вся она состоит из подобных глубоких диалогов.

Но ладно, вернемся к «текстовой составляющей». Претензия филологам высказана, а вопросы «что же читают на факультете журналистики?», где училась сама Иванова, «чем там занимаются мужчины?» и «сколько лет они дарят обучению?» так и повисли в воздухе. Насладимся следующим абзацем, отражающим точку зрения автора на современный литературный процесс: *«Нынче все кругом писатели и корреспонденты: оканчивают журфаки или, на худой конец, копирайтерские курсы. Все пишут об одном и том же – в основном рекомендации по поводу того, как жить. Если вам не приспускают в рот маркетологи, <...> то это точно делают “журналисты”»*. Дорогой «настоящий писатель», быть может, стоило показать пример и оставить «Краснодарскую прописку» на флешке в подарок потомкам, а не отсылать в издательство? И снова вопрос: при чем здесь упомянутые на строку выше филологи? Попытки найти логику в повествовании здесь и оставим.

Остальные главы – рассказ о том, кому и куда приспущает, кто, с кем и как спит, иногда перемежающееся неожиданными фактами: умерла бабушка, героиня заболела раком, вылечилась, но не переспала с лечащим врачом (трагедия) и т.д.

Не обходится и без парадоксов. Снова сравнение городов. Жизнь в Краснодаре – «зарабатывание денег на мнимые цели и попытка эту самую жизнь обустроить.<...> Все всех достали, и им скучно даже наедине с самими собой, такими уникальными и клевыми людьми», в то время как в Ленске – «снег, красота, тепло и любовь во всем всего лишь». После сотого повторения даже самый непонятливый читатель (например, коренной краснодарец, от которого скрывали существование Якутии) уже должен был уразуметь, где скрывается земной рай с нектаром и амброзией, и начать паковать чемоданы. Но вот беда – вдруг выясняется, что и там не все гладко. Автор выпадает из экстатического перечисления достоинств Ленска и населяющих его людей: «*Курить и пить мы все начинали в одном возрасте, но дури и честности не скрывать этого хватало только мне (кто бы сомневался?).<...> Эти люди (те самые нечестные и скрывавшие) сейчас живут в крупных городах и по-прежнему лгут своим родителям. А я встречаю их стариков здесь, они плятся на меня глазами, полными отвращения. Ну чего ты пялишься? <...> Ну поплясья*». Куда делась любовь? Следуя логике текста, во всем виноват Краснодар. Подтверждение этому тезису находим в рубрике «великие цитаты»: «*На Юге любят тех, с кем спят. А на Севере – спят с теми, кого любят*». Если вы не опознали, то это Дина Рубина. А автор продолжает громким «*Воистину*» и предпочитает за этот факт «*разово красиво выпить*». Оставим, не будем мешать.

Пока с трудом продиралась через 171 страницу шедевра Ивановой, задавалась вопросом: «Почему бы не покинуть опостылевший Краснодар и не вернуться в Ленск?». Но для великих писателей в России уготована другая судьба: Иванова переехала в Москву, этим завершается ее творение. Точнее завершается оно «метафизической антресолью» и тем, что «настоящий писатель» считает, вероятно, метафизическими размышлениями. Но главное сказано в главе «переезд»: «*После Краснодара уже нигде не страшно жить, и, чтобы перестать быть несчастной, мне хватило покинуть его*». А потом вдруг патристическое: «*Жить в России очень нравится, несмотря на аксиому, что Москва – не она*». Кому нравится? И как давно Краснодар выкинули из России, если там никому не нравится? Видимо, опять кто-то ножницами пощелкал.

Напоследок позволю читателю насладиться списком некоторых «секретов» и жизненных наблюдений Анны Ивановой, который она приводит на сотой странице своего труда:

1. *Даже не порываюсь записывать ускоренные видео о том, как я готовлю, потому что там через каждые два действия будут перекуры, а кулинарных блогов с сигами в кадре я еще не встречала.*
2. *Акции на сладости в супермаркетах созданы специально для нищих дам, которых выстегивает в ПМС ничуть не меньше, чем тех, кто при деньгах.*
3. *Базовой опцией у женщин является создание стрелок за минуту. Раз даже у меня она сохраняется, когда я не рисую их годами, то не все потеряно, девочки.*

И еще десять пунктов накопленной за жизнь мудрости. Но не будем лишать «настоящего писателя» заработка. Уверена, что все уже побежали в книжные, чтобы узнать оставшиеся тайны мироздания. А счастливые обладатели «Краснодарской прописки» могут с содроганием ждать выхода блистательного продолжения – «Московской прописки». Дайте только автору время хорошенько возненавидеть столицу и наклепать новых постов в Телеграме.

Наталья Суворова

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ

*(Вера Богданова. Сезон отравленных плодов. М., 2023.)**«Все счастливые семьи довольно-таки непохожи, все несчастливые довольно-таки одинаковы»*

В. Набоков «Ада»

Роман Веры Богдановой «Сезон отравленных плодов», впервые опубликованный в 2022 году, вошел в лонг-листы премий «Большая книга» и «Ясная поляна», а также стал финалистом премии «Национальный бестселлер». Вера Богданова родилась в 1986 году в Москве, окончила лингвистический факультет МГОУ. В 2018-2019 годах проходила обучение в мастерской Ольги Славниковой в Creative Writing School. Публиковалась в журналах «Правила Жизни», «Горький», «Юность», «Новый мир», «Дружба народов» и других.

В 2021 году литературным дебютом писательницы стал выход романа «Павел Чжан и прочие речные твари». Книга также вошла в лонг-листы престижных литературных премий. После выхода романа «Павел Чжан» многие критики сошлись во мнении, что Вера Богданова – состоявшийся писатель, чье мастерство отличает особый психологизм, а также умение воссоздавать впечатляющие и осязаемые образы героев. Реакция героев на насилие, проекция неподдающихся осмыслению страхов, влияние травмы на человека в долгосрочной перспективе – все это действительно находит свое отражение в творчестве Богдановой.

«Сезон отравленных плодов» в чем-то продолжает традицию предшествующего литературного опыта писательницы. В этом романе мы знакомимся с героями, чьи характеры с ранних лет также формируются под влиянием определенных травмирующих событий и навязанных социальных норм. Структура романа весьма своеобразна: читатель проходит через инволюции в повествовании, сюжетные линии редко раскрываются линейно, так же, как и истории героев развиваются непоследовательно. Названия глав книги соответствуют видам отравляющих веществ или, проще говоря, ядам (3-хинуклидинилбензилат, О-изо-пропилметилфторфосфонат, О-этил-S-2-диизопропиламиноэтилметилфосфонат), химические свойства которых делают их смертоносными. Общая характеристика перечисленных ядов в чем-то схожа: все они химически устойчивы, не имеют вкуса и запаха, объектом их воздействия является нервная система, поражение которой влечет за собой мгновенную смерть. Таким образом раскрывается аллегорический смысл заглавия книги, в которой на протяжении всего повествования мы наблюдаем постепенную интоксикацию героев парами отравляющего страха.

Социальные и психологические типы героев романа Богдановой (представители поколения 90-х и начала нулевых), словно персонажи цикла «Человеческой комедии» Оноре де Бальзака, демонстрируют развернутую панораму характеров общества, а также являются носителями определенной социальной философии. В центр повествования писательница ставит несколько семей, в которых взаимоотношения героев становятся своеобразным отражением социальных отношений времени. В изображении повседневной жизни современников за обыденностью скрывается трагедия, которая в душе каждого персонажа разворачивается по-разному. В отличие от Бальзака Богданова не способна на беспристрастное изображение современности, ее роман пропитан личной болью, а также сожалением за причиненный моральный вред поколению.

Сюжет произведения довольно прост: мы наблюдаем этапы взросления трех подростков (Жени, Ильи и Даши), постепенно наследующих травмы и проблемы собственного поколения. Кто-то из них непросто наследует определенные паттерны поведения родителей, а кто-то все же пытается оказывать сопротивление окружающей действительности. Индивидуальность Жени, по мнению ее родителей, проявляется в легкой «чуждинке», хотя в действительности это «...обычный ребенок, среднее арифметическое всех невыдающихся тихих детей». Илья (двоюродный брат Жени) большую часть жизни находится под воздействием страха несоответствия ожиданиям общества, заботливо привитым ему с ранних лет матерью. Сестра Ильи – Дарья (уж точно не Дашуля!) – с виду бунтующий подросток, а на деле – ранимая душа, которая больше всех нуждается в заботе и поддержке родителей. Таким образом, на первом плане высвечивается проблема взаимоотношения отцов и детей, суть которой заключается в отсутствии намека на саморефлексию у первых: попытки поколения «детей» осознать свой внутренний мир всячески пресекаются поколением «отцов». Ориентация на «вещный» мир, взгляд наружу, а не вглубь себя, страх отличаться от других и не соответствовать чужим ожиданиям – эти родительские установки становятся предпосылками последующего душевного разлада поколения «детей».

Еще одной проблемой становится зарождающаяся любовь Ильи и Жени, на чьих судьбах впоследствии будет стоять поставленное их собственными семьями клеймо изгоев. Тема инцеста в романе вместо того, чтобы объединить читательскую публику посредством возмущения, была низведена до романтического мотива противостояния личности и общества. Инцест приобретает значение бунта, а также сознательного вызова всем социальным предписаниям. Герои искупают «проклятые» отношения собственными страданиями и впоследствии получают относительно счастливый финал. Роман Богдановой любопытен в первую очередь тем, что под легкостью изложения и некоторой прозаичностью сюжета, обценной лексикой и обилием эротических сцен скрываются библейские мотивы и замысловатые мифологемы. Например, мифологема земного рая, в первую очередь, связана с бабушкиной дачей, где Женя впервые встретила с Ильей. Своеобразный дачный Эдем описан нарочито красиво: «Дуб обнимает ее раздвоенной верхушкой, греет корой. Солнце пробирается через листву яркой мошкой, бежит по носу, ищет глаз..., а полуденный зной шуршит, жужжит, стрекочет... Шмель летит с участка, уносится к остановке и магазину, описав золотистую дугу, над головами, идущих по дороге». История встречи Ильи и Жени в чем-то также схожа с библейским мифом об Адаме и Еве, которые жили в райском саду до грехопадения. Помимо этого, как справедливо заметила писательница Татьяна Замировская, роман Богдановой действительно имеет много общего с романом Владимира Набокова «Ада»: «Это как “Ада” Набокова, заброшенная в боль и хтонь девяностых и ранних нулевых – бабушкина дача, семейная сага, чужие дворы, родная кровь; теперь это все уже не экзотика и не чернуха, мы выжили, выросли и говорим о том, как это – быть странной девочкой в странное время». Более того, помимо схожих мифологем, в обоих романах присутствуют так называемые «лишние» герои, чьи судьбы оказываются сломанными из-за их бессилия перед собственным одиночеством. Даша из «Плодов» и Люсетта из «Ады» – «лишние» персонажи, мрачная тень которых лежит на сюжетной канве повествования. Нежелание брата и двоюродной сестры принимать ее в свою компанию, пренебрежение и нелюбовь матери – все это впоследствии приведет Дашу к абьюзивным отношениям, из-за которых она долгое время будет подвергаться физическому и психологическому насилию. Люсетта же покончит жизнь самоубийством из-за того, что так и не сможет стать нужной Вану – любви всей своей жизни.

Литературный критик Галина Юзефович в своей рецензии на роман «Сезон отравленных плодов» приходит к выводу, что автору пришлось в некоторой мере пожертвовать индивидуальностью своих героев: «И Илья, и Женя, и их близкие выглядят не столько живыми теплыми людьми, сколько движущимися и говорящими социальными типами». Отчасти с этим можно согласиться. Поведение героев книги иногда действительно кажется излишне шаблонным, однако это органично связано с повествованием, характерной чертой которого является документальность. В своем романе Богданова описывает перестроечное и постперестроечное время, герои книги сталкиваются с новостями о терроре, а также возрастающем в стране национализмом. Важнейшей темой романа является проблема насилия, жертвами которого так или иначе становятся все героини произведения. Женю в шестнадцать лет облапали парни, проживающие по соседству, отец тети Милы и тети Светы избивал своих дочерей, которые впоследствии выбрали мужей с похожими привычками, Даша также стала жертвой домашнего насилия, потому что в свое время выбрала не «того» парня. Героиням романа приходится осознать ужасающий факт, что «...безопасности не существует и частной собственности тоже нет. В любой момент может вломиться кто угодно, бить мебель, угрожать, и единственное спасение здесь одно – бежать». В конце книги Богданова характеризует проблему домашнего насилия в нашей стране как злободневную и нерешенную, поскольку «...и судьи, и обвинители, и даже сами адвокаты обычно склонны обвинять подсудимую в том, что она терпела насильственное обращение и сама довела ситуацию до трагической развязки».

Ощущение, что земля уходит из-под ног, отсутствие внутренней опоры и чувства защищенности – это и есть повседневные трудности, с которыми сталкиваются персонажи романа Богдановой. Женя застает теракт у станции метро «Рижская», случившийся 31 августа 2004 года: «...вдруг что-то бахнуло, сбило с ног. Раз – и Женя на асфальте, лежит на осколках у перевернутой мусорки. Пахло гарью, люди куда-то побежали – прочь от метро, от Жени». Вектор мышления Жени обретает магическую направленность, несчастья на собственном пути она связывает с неким предзнаменованием: «И постепенно ей стало ясно, все вокруг сложилось в странную, одной ей понятную логическую связь, в центре которой было она с Ильей. Из темной тесноты воспоминаний вдруг всплыл двухтысячный, когда случился взрыв на Пушкинской. Казалось бы, еще тогда, на похоронах двоюродного дядьки она должна была понять предупреждение, но нет». В послесловии к книге Богданова признается, что лично застала теракт у метро «Рижская»: «Беззащитность, вот что я чувствовала тогда. Может, упадет самолет, на котором ты полетишь в отпуск. Может, ты не доедешь до работы. Может, ночью, пока ты спишь, панельная многоэтажка сложится тебе на голову. Счастье в той обстановке в принципе... недостижимо. Как можно его обрести, когда ты все время в страхе?». Важно то, что, перечисляя ужасающие события, выпавшие на долю нынешних тридцати- и сорокалетних, писательница не пытается вынести приговор «тому» времени или же навязать читателю чувства небезопасности или вины, а, напротив, проговаривая «вслух» эмоции злости, стыда и тревоги, Богданова обнаруживает терапевтический эффект, способный исцелить упомянутое поколение от психологической травмы.

Преимуществом книги, как ни странно, является легкость изложения и ориентация на массового читателя. В ней вы не найдете загадок, каламбуров и аллюзий, испытывающих на прочность, как правило, искушенную публику. Эта книга, в первую очередь, придется по душе всем бывшим и нынешним изгоям, «странным», белым воронам и аутсайдерам, которые большую часть своей жизни боролись с тем, что они не такие, как все. Помимо анализа разнообразного спектра социальной проблематики, а также

всестороннего препарирования психологических травм поколения, в романе присутствует важное напутствие читателю, суть которого заключается в сохранении собственной индивидуальности. После прочтения романа действительно хочется сделать вывод, что внутренний стержень и индивидуальность – это единственное, что может остаться стабильным в наше странное и нестабильное время.

«ПОКОРНЫЙ СЛУГА ГЛАГОЛА...»

(Михаил Щербаков. *Тексты песен (1981–2022)* / Сост. В. Палт. М., 2023.)

В одном из интервью 1997 года у Булата Окуджавы спросили его мнение о судьбе авторской песни, на что тот ответил: «Я одно время думал, что жанр исчерпан, пока не услышал Михаила Щербакова. Вернее, это уже несколько другой жанр. Но все надежды я сейчас связываю с ним...»

Михаил Константинович Щербаков на сегодняшний день один из самых популярных авторов-исполнителей, связанных с бардовской песней. На его концертах в московском бард-клубе «Гнездо глухаря» всегда собираются полные залы. Если вы приедете на современные бардовские слеты и фестивали (к примеру, «Зимородок», «Распахнутые ветра», «Калужский слет», «Слет гитарных школ» и другие), то в каждой компании, которая поет на ночных посиделках, вы услышите песни Щербакова. Его выступления проходили не только в России, но также во Франции, Германии, США, Канаде и Израиле. Многие из тех, кто знаком с его творчеством, причисляют его к своим любимым авторам. Другие же относятся к нему крайне отрицательно, считая его изощренным графоманом. Но равнодушных к его творчеству среди моих собеседников не нашлось.

Михаил Щербаков родился в 1963 году в Обнинске. Песни он начал писать еще в старших классах. Первым из знаменитых бардов, кто заметил его творчество, был Юлий Ким. Их знакомство состоялось, когда Щербакову было двадцать лет, и уже тогда Ким оценил его как «мощного мастера», в котором «скрыта мощнейшая пружина саморазвития». О песнях Щербакова он отзывался так: «Дело в том, что слово «бард» к Михаилу Щербакову, как ни странно, не так легко применимо как ко многим известным уже перечисленным мною именам. Слово «бард» немножко узковато для него. Конечно, в первую очередь, это поэт. И его отношение к делу называется очень высоким и очень, мне кажется, точным словом: «служение»... Это понятие своего дела как некоторой миссии, с очень высокой ответственностью и с очень высоким требованием к качеству этого дела». Чтобы проиллюстрировать слова Юлия Кима, хочется обратиться к [одной из песен Щербакова](#):

Навещаая знакомый берег, отрешенно гляжу на взморье,
возвращаясь на пепелище, осязаю рубеж времен.
Ни о прошлом, ни о грядущем не рассказывает безмолвие –
черепки отгремевших пиршеств, парафиновый парфенон...
Лишь один звонит колокольчик, словно спрашивает: «Ну, где же ты?»
Словно просит: «Побудь со мною!» А я рад бы, да не могу:
от причала отходит судно, на него все мои надежды,
я слежу за его движеньем, оставаясь на берегу...

Сухопутный пройдет шарманщик в голубом головном уборе,
напевая морскую песню, ничего не прося за труд.
Эту песню придумал некто, никогда не бывавший в море,
но поется там лишь о море, и на судне ее поймут.
И здесь нет никакого чуда, ведь команду на судне этом
составляют гвардейцы духа всех времен и любых кровей:

открыватели многих истин, консультанты по раритетам,
очевидцы больших событий, собеседники королей...

Мне хватило бы даже слова в долетевшем от них призыве,
чтоб навеки проститься с сушей и исчезнуть там, где заря.
Но, безмолвный и недоступный, белый призрак на черной зыби
разворачивается к ветру, никого с собой не зовя.
И в то время как он, быть может, отправляется в край несчастий
из великой любви к свободе для всемирной борьбы со злом,
я, покорный слуга глагола, я, поклонник деепричастий,
остаюсь со своим неверным поэтическим ремеслом...

Навсегда расставаясь с морем, наблюдаю почти бесстрастно,
словно даже уже и это не могло бы меня развлечь,
как невидимые пределы разграничивают пространство,
и ничто этих черт запретных не осмелится пересечь.
Лишь корабль моих упований покидает сии границы,
тяжело поднимает крылья и, волнуясь, идет во мглу...
Я слежу за его движеньем, но пустуют мои таблицы:
ни о прошлом, ни о грядущем ничего сказать не могу...

1988

В этой песне лирический герой характеризует себя как «покорного слугу глагола» и «поклонника деепричастий», что, на мой взгляд, описывает и самого автора. Отметим, что творчество для Щербакова всегда было для него единственной работой и он всецело отдавался ей.

Важно отметить, что Михаил Щербаков – выпускник филологического факультета МГУ, и это действительно ощущается в его текстах. Его творчество насыщено аллюзиями на литературные произведения. Чтобы понять смысловой план большинства его текстов, слушатель должен быть высокоэрудированным. Об этой особенности его творчества иронически отзывается бард Ольга Макеева в своей пародии на Щербакова:

А ты, приятель, не плачь, пожалуйста,
Роясь по словарям,
Меня понять ты сумеешь запросто,
Если будешь упрям...

Среди песен, основанных на обращении к литературным образам, можно упомянуть
«[Стихи о прекрасной даме](#)» 1990 года. В ней Щербаков дает новую трактовку героине лирики Блока:

В округе всяк, не щадя усилий,
Трубит – как дивны твои черты...
Но я-то знаю, что меж рептилий
Опасней нет существа, чем ты.

Почти всю песню автор описывает, что на самом деле скрывает «под нежным шелком» прекрасная дама. Свою возлюбленную он сравнивает с драконом, ее поклонников – с «дрессированными слонами». И вот, разоблачив истинную сущность прекрасной дамы, лирический герой заключает:

Однако, к счастью или к несчастью,
Об этом знаю один лишь я.

А я не выдам, не беспокойся.
Чем навлекать на себя грозу,
Уж лучше сам, развернувши кольца,
Прощусь – и в логово уползу.

Сам же Щербаков представляет это произведение как его «единственную песню о счастливой любви». Как романтично!

В одних песнях Щербаков развивает образы литературы предыдущих эпох: упомянем здесь «[Ad Leuconoen](#)», которая продолжает одноименное стихотворение Горация. В других же песнях автор эти образы иронически переосмысляет и опрокидывает: помимо «Стихов о прекрасной даме», таковой, к примеру, является «[Воздвиг я памятник](#)». По сюжету лирический герой, в образе которого ясно прочитывается Евгений из «Медного Всадника» Пушкина, долго решается обратиться к памятнику с вопросом. Образ монумента здесь шире, нежели у Пушкина: это и Петр, и Ленин, и Командор, и Мойдодыр. Герой страшится кары, которая должна последовать после того, как он дерзнет задать роковой вопрос. И вот, в крайнем напряжении и страхе, герой решается:

– Памятник, зачем тебе такие большие уши?
– ЧТОБЫ ЛУЧШЕ СЛЫШАТЬ!
– Памятник, зачем тебе такие большие руки?
– ЧТОБЫ ОБНЯТЬ ТЕБЯ!
– Памятник, зачем тебе такие большие зубы?
Не дает ответа...

До 2021 года творчество Щербакова было представлено в основном на дисках и в пространстве интернета. Печатные сборники с текстами и аккордами также существовали, среди них: «Вишневое варенье» (1990), «Нет и не было яда» (1990) и «Другая Жизнь» (1996). Однако они покрывали лишь малую часть написанного автором.

И вот в 2021 году вышел первый том собрания сочинений Щербакова. Его составитель и редактор, Владимир Палт, включил туда тексты, ноты и аккорды песен 1981–1987 годов. Представленные партитуры отразили не только авторскую мелодию, но и второй голос (в тех песнях, которые Михаил Щербаков исполняет в дуэте с Михаилом Стародубцевым). Вслед за этим изданием вскоре последовали еще три тома. На то, чтобы подготовить собрание песен, ушло целых 15 лет.

В 2023 году Владимир Палт представил отдельную книгу, которая содержит все тексты из четырех томов собрания сочинений, но без нот и аккордов. Тираж ее составил 2000 экземпляров. Книга включает в себя 350 песен, временной охват которых – с 1981 года по 2022. Тексты расположены в хронологическом

порядке. Особенно ценным мне представляется то, что в сборнике сохранена авторская пунктуация, ведь Михаил Щербаков – филолог. Его тексты – настоящий подарок для учителя не только литературы, но и русского языка. Откройте сборник на любой странице – увидите там примеры всех правил пунктуации (а иногда осознанного отступления от них).

Отдельно мне хочется отметить оформление книги. Каждый текст сопровождается чудесной иллюстрацией художницы Алены Наливкиной. На обложке соединены оформления четырех томов собрания сочинений. Качество бумаги и печати также на высоте – книгу приятно не только читать, но даже просто держать в руках.

В 2023 году на одном из концертов в «Гнезде глухаря» зрители спросили Михаила Щербакова о том, что для него первично в его песнях: текст или музыка. На этот вопрос автор ответил, уходя от привычной системы координат и не желая разделять эти две грани его творчества. «Звук», – таков был его ответ. «Издание адресовано широкому кругу любителей звучащего слова», – обозначено в аннотации книги.

Михаил Щербаков – автор, творчество которого будет интересно как школьнику, так и старику; как человеку без образования, так и академику. Темы, которые он поднимает, близки каждому. Это любовь и одиночество, жизнь и смерть, творчество и поиск своего места в мире. Некоторые его песни возвышенны и трагичны, некоторые – исполнены юмора и иронии. Но есть то, что объединяет все его песни и позволяет безошибочно распознать их автора, – и это *Язык*.

Хочется выразить благодарность Владимиру Палту, который взял на себя такой огромный труд – свести воедино и издать на бумажном носителе «*звучащее слово*» важнейшего и даже, на мой взгляд, лучшего современного поэта России.

СМОТРИМ ПОСТАВЛЕННОЕ

Виктория Левотаева

ФАКТ ЖИЗНИ И ФАКТ ВЫДУМКИ. BLACK & SIMPSON В ТЕАТРЕ «ПРАКТИКА»

В детстве я любила строить театр из обувной коробки. Ставила нижнюю часть на ребро, делала по бокам дырочки, куда на леске вешала бумажную занавеску-гармошку. А потом из пластилина лепила главных действующих лиц. До постановок дело не доходило, потому что действие разворачивалось в мыслях, пока клеила и красила зайцу уши, — потом повторять это все уже неинтересно, скучно и всегда безжизненно.

Позрелев, я поняла, что в детские игры можно играть профессионально. Именно их мы и видим, приходя посмотреть спектакль того или иного режиссера. Ту самую фантазию, которая мельком проскакивает в голове, некоторые люди умеют переносить в жизнь, воплощать ее физически и телесно в пространстве и времени. Восхитительно красивый талант, за который я и люблю театр: ни за что в жизни не скажу после просмотра постановки, что в ней мало первоисточника. А бывают документальные спектакли, где фигуры Писателя (да, с большой буквы, с огромным пиететом и земным поклоном) просто нет. Есть только документ, факт жизни. И еще много личного и живого от режиссера и актеров, которым без авторского текста нечем прикрыться и некуда спрятаться. А в случае спектакля «Black & Simpson» в театре «Практика» рядом с фактом жизни неизменно присутствует еще и факт смерти.

К этой постановке я постоянно возвращаюсь, прокручиваю в голове целые фразы, бесконечно оказываясь внутри этого вообще-то не самого комфортного пространства. И я бы, наверное, не писала сейчас ничего, если бы дело было просто в отличной игре актеров, интересной интерпретации произведения, главных фразах, произнесенных подчеркнуто, чтобы те, кому нужно понять, все-о-о поняли. Я тоже молодец, я тоже все обычно понимаю, а здесь не поняла самого главного. Поэтому и решила попытаться свои мысли записать, чтобы найти ответы на вопросы, которые меня мучают. Ну или хотя бы озвучить их все в одном месте, чтобы потом в старости найти этот гугл-док и посмеяться над собой.

У спектакля «Black & Simpson» нет никакой литературной основы. Ее заменяет многолетняя!!! переписка двух реально существовавших людей: убийцы, бывшего наркомана, отбывающего пожизненное наказание в тюрьме за жестокое убийство женщины (не хочу даже перечислять все эти судебные термины) и... отца жертвы. Вот и весь сюжет, крайне простой и очень сложный. Остальное в содержании писем неуловимое и частное: самоуничтожительные мысли, сложные чувства, эмоции через край. Боль, радость, страх и, что самое удивительное, смирение, прощение и христианская любовь.

Многолетняя — это надолго, на всю жизнь, до самой смерти одного из участников переписки. А вышло так потому, что Симпсон раскаялся: все страшное он совершал под действием веществ, которые изменяли его сознание, делили его напополам, на сторону светлую, добрую — сознательную, и жестокую, звериную — бессознательную. И Блэк начал переписку с преступником, потому что прочитал в глазах убийцы на суде раскаяние. Нет, не так: пожилой фермер пошел на этот страшный и сложный шаг из любви к дочери. Ему было важно узнать те подробности жуткого вечера, которые не звучали в судебном протоколе: что она говорила, сильно ли была напугана, долго ли мучалась. А это может знать только убийца.

В результате завязывается переписка, в которой за долгие годы обсуждается миллион важных и не очень вещей: енот, который забрался в огород, здоровье жены Блэка, как растут ананасы и клубника, мечты Симпсона о том, чтобы выйти и помогать старикам обрабатывать землю. Мазки, из которых складывается картина.

И вот выясняется, что Симпсон на самом деле очень несчастный человек, который глубоко сожалеет о содеянном. Когда к нему вернулось сознание и он понял, что произошло, сам хотел отдаться в руки полиции. В его жизни было мало радости, и он искал ее в том, что ему гарантированно давало удовольствие: в грабежах и наркотиках. Симпсон — маленький мальчик, невоспитанный и необразованный, который находится в теле взрослого человека, физически мощного, высокого и крупного.

И как ни странно, смыслом жизнь Симпсона наполняет именно это страшное в своей жестокости и беспричинности убийство: после него он обращается к Богу и пытается спасти таких же несчастных мальчиков. И силы на это ему дает переписка с Блэком.

Они вместе переживают свою боль: Блэк — потерю дочери, а Симпсон — то, что он стал тому причиной. Блэк не простил поступок, он простил человека. А Симпсон не простил ни себя, ни совершенного им, но, кажется, принял в себе и зло, и добро. И только тогда второе в нем победило.

Конечно, в каждом человеке есть эти две стороны, просто здоровое сознание не расколото пополам и не похоже на полоски зебры, которые постоянно чередуются. Четких границ нет и быть не может, это скорее акварельные пятна, переходящие друг в друга, или стекло, ломающееся в неожиданном месте, когда на него наступишь. К этой мысли я пришла, кажется, тоже не сама: через два дня после «Black & Simpson» я смотрела в Театре Наций «Мой брат умер» по сценарию Балабанова. Бывают же такие совпадения: два спектакля-притчи о самом темном и фундаментальном в человеческой природе. Только один — практика, где рассказывается о конкретной ситуации, второй — теория, намеченная схематично, где наполнение может быть любым. Логично, что практику показывали в «Практике».

Здесь, во время этой удивительной постановки, которая идет всего-то час с небольшим, я рыдала без преувеличения час, оставив «с небольшим» на удивление и другие эмоции. Зрителей обманывают в начале, намекая, что будет просто читка. Делают это профессионально: Вениамин Смехов, играющий Блэка, заходит в зал, кажется, в своей одежде — теплом джемпере и джинсах, а костюм второго актера, Антона Кузнецова, скорее просто намекает на одежду заключенного, а не кричит об этом. На сцене деревянная балка с перегородкой, на которую садятся актеры. Обман продолжается: Антон Кузнецов встает и говорит, что это и не спектакль вовсе, вот смотрите, у нас бумажки, мы по ним читать будем настоящие письма Блэка и Симпсона. И действительно, начинают просто читать. И даже свет над зрителями не выключают — разве так выглядят нормальные спектакли?

Нет, конечно. Только если автора нет, это не означает, что режиссер тоже отсутствует. А его руку зритель чувствует постоянно. В выборе читать письма с конца: от развязки к завязке, чтобы мы не сразу узнали о том, что же на самом деле объединяет героев. В том, что рано или поздно свет постепенно гаснет, и читка перестает быть похожей на читку. В выборе музыки. В том, что понимаешь, что был красиво и профессионально обманут: актеры на самом деле играют с первой секунды действия. Сначала — отсутствие игры, а потом, набирая силу так же постепенно, как гасили свет, погружаются в образы и начинают играть по-настоящему.

И вроде всем давно известно из детских книжек, что такое добро, что такое зло, что людей чисто хороших или чисто плохих не бывает. И удивляться нечему. Только смотря «Black & Simpson», думаешь: «Верю всем и всему». Но, выйдя из театра, доехав до дома, передумав полночи, уточняешь: «Верю актерам, ситуации — нет». Были ли реальные Блэк и Симпсон? Ну вот же, были, так интернет говорит! Хорошо, были, но могла ли такая история по-настоящему случиться в жизни? Часть с убийством — да, с

прощением — ... скорее нет. Люди охотно верят в то, что зло существует, потому что оно случается каждый день, о чем мы, владельцы мобильных телефонов, узнаем очень быстро. А в подлинно христианское прощение? Наверняка существуют те, кто способен на него, но, переходя на личности, а именно на себя... Больно даже представить такую ситуацию, в которой плохо самым близким людям, поэтому я точно не смогла бы простить. Да и не стоит на самом деле этот вопрос. Люди чаще сталкиваются с выбором: мстить или нет.

В процессе написания рецензии мне пришла простая до обидного мысль, что такой наивной и несообразительной быть просто стыдно. Это театр, а это спектакль. Впереди сцена, напротив — зрительный зал. На программке указано имя режиссера: Казимир Лиске. Вот и ответ: «Black & Simpson», несмотря на многочисленные предупреждения о том, что это реальная история, — такое же вольное режиссерское прочтение материала, как если бы это была постановка «Евгения Онегина» или «Утиной охоты». Это театр в обувной коробке, который сделал режиссер, его воображение, его указания выполняют актеры. Что происходило в головах у реальных Блэка и Симпсона, мы не можем знать, потому как писать письма, говорить, думать и делать — четыре разных вещи. Даже смешно думать, что я этого сразу не поняла.

Только, как всегда, есть одно последнее и важное «но»: ответ, что это все выдумка, не дает утешения. Он не мирит с тем, как устроены реальность и мое сознание, которое упрямо отказывается верить в добро и прощение в реальной жизни. В том мире, где кажется невозможным преодолеть боль, по-настоящему простить обидчика или осознанно искупить свою вину, важно, чтобы Блэк и Симпсон на сцене театра «Практика» думали и поступали именно так, как они это делают сейчас — трогательно, пронзительно, правдиво.

Обязательно говорить о том, что это реальная история. Даже если это все режиссерская выдумка.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ОБЗОР: «ПОЭМА БЕЗ ГЕРОЯ», ТЕАТР «ГЛАС».

27 июня 2024 года, возвращаясь после работы домой и проходя мимо театра «Глас», я случайно повернула голову направо и увидела витрину, на которой висела афиша спектакля «Поэма без героя» по одноименному произведению Анны Андреевны Ахматовой. Моему удивлению не было предела, по телу в прямом смысле слова побежали мурашки, ведь с этим текстом я не расставалась с 2020 года. В первую очередь восхитило то, что поэтический текст, сложный для понимания даже при чтении, воплощен на сцене маленького театра, Русского духовного театра «Глас», к которому я с первой нашей встречи, не буду скрывать, относилась с большим скептицизмом. Московский театр православной направленности бросил мне настоящий вызов: «Глас – это древнерусское слово «голос». Глас – в душе человека, в чистоте помыслов, в наших корнях». На стартовой странице сайта театра зритель может прочитать следующее: «Русский духовный театр... появился ... на рубеже восьмидесятых и девяностых годов. Нелегкий путь прошел он за 35 лет своей работы. Это первый театр с высоким статусом «духовный», который не скрывает своей православной направленности – и вызывает в связи с этим много споров. Деятельность «Гласа» отмечена поддержкой Русской Православной Церкви. Театр имеет благословение Московской Патриархии». В настоящее время театр могут посетить бесплатно участники специальной военной операции, а также члены их семей, подтвердив статус соответствующими документами. Что ж, если бы не любовь к Ахматовой и ее творчеству, вряд ли бы я познакомилась со стенами этого театра изнутри.

Важно отметить, что это не первая постановка «Поэмы без героя» в XXI веке, но единственная, которую можно увидеть сейчас в Москве. В 2007 году режиссер Юрий Васильев и исполнительница Ася Ширшина участвовали в VI Международном фестивале моноспектаклей «Монокль» с постановкой «Маскарад» (по воспоминаниям об А. Ахматовой и «Поэме без героя»), спектакль с измененным названием «Петербургская чертовня» в настоящее время идет в санкт-петербургском театре «ЦЕХЪ». В 2016 году «Поэму без героя» поставили Алла Демидова и Кирилл Серебренников на сцене «Гоголь-центра». Он был номинирован премией «Золотая маска-2018». В 2018 году Воронежский государственный театр кукол «Шут» поставил «Поэму без героя» в рамках проекта «Поэттеатр». В 2021 году выпускник Академии Русского балета им. А.Я. Вагановой и Московской Государственной Академии хореографии Алексей Кононов по мотивам произведений П.И. Чайковского и А.А. Ахматовой поставил балет «ЩЕЛКУНЧИК И ПОЭМА БЕЗ ГЕРОЯ». Труппа «Блуждающие звезды» в 2023 году, поставив «Поэму без героя», стали лауреатами премии и Специального диплома XI Международного театрального фестиваля «Золотая провинция» (за популяризацию классики в провинции). Интерес к тексту Ахматовой ни сколько не уменьшается, с каждым днем произведение становится актуальнее для каждого из нас.

«Поэму без героя» Ахматова писала в течение двадцати двух лет, работа над произведением завершилась в 1962 году, но до 1965 года в текст вносились изменения и дополнения. В ней поэт отражает взгляд на эпоху от Серебряного века до Великой Отечественной войны: «Из года сорокового, как с башни на все гляжу». Премьера «Поэмы без героя» в театре «Глас» прошла 30 июня 2022 года, я увидела постановку только через 2 года – 3 июля 2024. Судя по афише на просторах интернета от 19 июня 2022 года, сначала актерский состав был в два раза больше, в него входили: Галина Маслакова, Лариса Хорошилова, Анастасия Бандурка, Мария Королёва, Екатерина Лисовая, Виктория Фатеева, Анна Хапкина, Наталья Шеховцева. В настоящее время действующих лиц и исполнителей четыре: Анна Хапкина в роли Ахматовой в юности, Наталья Шеховцева – Ахматова в молодости, Галина Маслакова – Ахматова в зрелости, и

Екатерина Лисовая – Редактор (Некто). Режиссерами-постановщиками являются заслуженный деятель искусств РФ Никита Астахов и почетный деятель города Москвы Кирилл Белевич. Спектакль идет 2 часа с антрактом. Первая часть спектакля охватывает первую часть поэмы («1913 год»), которая состоит из трех глав и «интермедии», в них описывается карнавал, завершающийся самоубийством «драгунского корнета» - Пьеро. Вторая часть спектакля включает в себя «Решку», в ней идет обсуждение образов и мотивов первой. Завершается постановка, как и «Поэма без героя», лирическим эпилогом.

Представление в театре «Глас» начинается с появления в зале Редактора (своего рода цензора) в кепке и с портфелем в руках, зачитывающего отрывок из письма Сталина о стихах Ахматовой антисоветского характера и разделяющего его точку зрения. Опоздавшие зрители ищут свои места, актриса отвлекается и бросает фразу: «Давайте поможем найти места людям. В наше героическое время нужно поддерживать людей». С этого момента появляются вопросы с разграничением действия спектакля и жизни. Зрители сели, Редактор продолжает – озвучивает годы написания поэмы, расшифровывает эпиграф и одновременно девиз, расположенный на гербе Фонтанного Дома: «Deus conservat omnia». Слава Богу, уходит...

Как известно, поэма имеет три посвящения: Всеволоду Князеву, Ольге Афанасьевне Глебовой-Судейкиной, третий адресат до сих пор не раскрыт. После первого посвящения звучит музыка траурного марша, проникнуться и насладиться которым, к сожалению, не получилось, так как на сцене снова появился Редактор с комментариями: «Кто такой Антиной? (Зрители смеются)»; «Судейкина отбила Всеволода Князева у поэта Кузмина» (Снова смеются); «По некоторым данным третьим посвященцем является Исайя Берлин». Драматическое действие превращается не то в комичную историю, не то в лекцию для тех, кто произведение не прочитал, или прочитал, но не понял. Внутри начинает нарастать некоторое напряжение...

Екатерина Лисовая – Некто, Редактор
 (https://afisha.yandex.ru/moscow/theatre_show/poema-bez-geroia-glas)

Однако открылся занавес, и на сцене появились три актрисы – Юность, Молодость, Зрелость Ахматовой. Разделив текст поэмы на три голоса, они, переговариваясь друг с другом, читают стихи и танцуют. Наиболее яркой, интересной и точной мне показалась роль-перевертыш Анны Хапкиной. Сняв парик, из юной Ахматовой она превращается в Коломбину. И действительно, судьба Судейкиной (и Князева) воспринимались Ахматовой зеркально. Или, как отмечает вновь появившийся из ниоткуда Редактор, «даже зазеркально». Коломбина (Судейкина) воплощает дореволюционную Россию: «Ты в Россию пришла ниоткуда, о мое белокурое чудо, Коломбина десятых годов!». Ахматова – поэт, остро ощущавший поступь истории, – в тяжелых жизненных событиях близких людей разглядела, прежде всего, драму целой эпохи. На сцене Коломбина растворяется в танце, который обретает негативную окраску, ассоциируясь с грехом, своеволием и безрассудством. На ее спине, словно на виолончели, играют Молодая и Зрелая Ахматова, и музыка становится полноправным участником в структуре действия.

«Решка» является обратной стороной карнавала Серебряного века. В ней присутствует развязка личных драм и завязывается общенародная трагедия, озаменованная действием роковых сил. Эпоха Серебряного века ощущалась не только как своего рода «порог», за которым Россию ожидали трагические испытания, но и как «канун» приближающегося Страшного Суда – финала человеческой истории. Кульминационным моментом постановки является чтение строк из «Решки» и «Эпилога», которые долго не могли пройти цензуру:

Ты спроси моих современниц,
каторжанок, стоятниц, пленниц,
и тебе порасскажем мы,
как в беспмятном жили страхе,
как растили детей для плахи,
для застенка и для тюрьмы...;
А за проволокой колючей,
в самом сердце тайги дремучей,
я не знаю, который год
ставший горстью лагерной пыли,
ставший сказкой из страшной были
мой двойник на допрос идет...

Судьба Ахматовой неотделима от судьбы страны и народа. История не только России, но и история всего человечества живет благодаря самому долговечному материалу на земле – поэтическому слову. В этом смысле становится радостно на душе от того, что на сцене маленького московского театра «Глас» можно услышать «голос» великого поэта XX века. Во второй части спектакля даже Редактор перестает давать какие-либо комментарии, он растворяется в поэме, подключается к декларированию текста произведения и не отвлекает зрителей от драматического действия.

Я В ЭТОМ ДЕЛЕ ДИЛЕТАНТ

Казалось бы, открывать сезон «Самоубийцей» мрачно, но только не для МХТ им. Чехова, в истории которого это уже не первая попытка поставить одну из самых ярких работ Николая Эрדмана.

В октябре 1931 года Станиславский писал Сталину с просьбой разрешить работу над пьесой, «в которой театр видит одно из значительнейших произведений эпохи», а в ноябре получил ответ с кажушейся забавной подписью:

«Я в этом деле дилетант. Привет.

И. Сталин».

Публика тогда так и не увидела спектакль, зато получила эту возможность по прошествии почти ста лет – за постановку взялся Н. Рошин, у которого получилось сохранить и удивительный острый юмор Эрдмана, и драматический финал, неожиданный для истории, начавшейся с анекдотичной семейной ссоры из-за колбасы. Упомянутая переписка же открывает спектакль и задает тон – подчеркивается непрерывное мерцание смыслов. Конечно, до этого публика видела эту пьесу не раз. Лишь недавно в театре Вахтангова сняли с постановки «Самоубийцу» Павла Сафонова (премьера прошла в 2022 году на Симоновской сцене). Однако кажется, что именно Рошин сумел идеально соблюсти баланс трагического и комического, поставить спектакль без пошлости и лишнего фарса.

Занавес раздвигается. Переписка Станиславского и Сталина. Темнота. В гнетущей тишине раздаются страшные звуки, а на экране над сценой, где до этого были лишь печатные строчки, вдруг разворачивается сцена из фильма ужасов. Все обрывается так же быстро, как и началось. Тревога нарастает, но вот уже знакомые всем строки Эрдмана – зритель выдыхает: это был всего лишь сон жены Подсекальникова. Однако настроение задано на весь спектакль. Действие разворачивается то ли в гробу, то ли в огромном деревянном ящике, или же это материализованный срез жизни, выхваченной неровным светом фонарика, – такие ассоциации вызывает необычная трапециевидная конструкция на сцене. Это квартира Подсекальникова. В подчеркнуто узком пространстве прожекторы высвечивают все уродливое, гротескное, жалкое в черно-белой жизни героя. Сам же он в этих комнатах, как и в жизни молодой социалистической страны, оказывается меньше бейного баса – трубы, в которой находится выход, и символа безбедного будущего.

И вот мимолетная отчаянная мысль о самоубийстве от бессилия и обиды приводит к пышным похоронам, превращающимся в политическую трибуну. События разворачиваются стремительно, и Рошину удастся держать этот невероятный темп на протяжении всей постановки. Остается один подчеркнуто громкий вопрос: где здесь место для человека, если даже уход из жизни становится инструментом? Живой с первых минут оказывается в гробу, а «мертвые» за огромным праздничным столом, надвигающимся на зрителя во втором акте. И вот уже на сцене в диком, почти инфернальном танце заходятся герои, льется через край ненависть к слабому Подсекальникову, не сумевшему себя убить, и не ослабевает желание достигнуть своей цели пусть даже через чью-то смерть.

В спектакле Рошина, как и в пьесе Эрдмана, за безумным хохотом вдруг раздается истошный крик человека, потерявшего человеческое и в себе, и в людях: «Ради бога, не отнимайте у нас последнего средства к существованию, разрешите нам говорить, что нам трудно жить». Похоронная процессия вырывается из пространства сцены и даже из зрительного зала – на экране вдруг появляется трансляция из коридора театра, где каждый кричит о своем – кажется, будто смотришь новостной репортаж из зоны бедствия. А потом все обрывается.

Прошлое здесь витиевато сплетается с современностью и технически, и метафизически: классические театральные приемы разбавлены комическими видеорядами, шутки по-прежнему актуальны, а проблемы неизменны – «то, что может подумать живой, может высказать только мертвый».

Когда опустится занавес, а эмоции улягутся, останется лишь ответить себе на вопрос: что же это? Трагедия? Черная комедия? А может, драматическая обыденность?

ОБ АВТОРАХ

Анастасия Лапшина

Люблю слушать музыку, писать картины маслом и ходить в театр. Мне нравится писать тексты о других, о себе — не нравится.

Виктория Пономарь

Учусь, путешествую, хожу в театры и радуюсь жизни!

Настя

Просто Настя. Интересуюсь литературой, кино, историей.

Анна Ярош

Давным-давно я открыла для себя такой странный жанр, как авторская песня. А закрыть не могу (и не хочу) до сих пор. Постепенно начинаю смотреть на бардов глазами не только восторженного наблюдателя, но и филолога.

Наталья Суворова

МГУ, магистрант 2 года обучения, кафедра истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса.

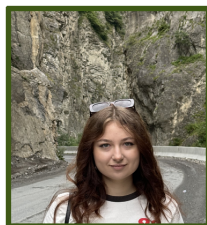
Антон Емекеев

Москва. МГУ. Филолог. Студент.

Елизавета Крепостина

Магистрант 2 курса филфака МГУ. Научилась ходить в год, читать в три, писать рецензии в двадцать четыре.

Арина Сотникова

Живу между Армавиром и Москвой: знакомлюсь с культурной жизнью столицы и скучаю по югу.

Виктория Левотаева

Рисующий критик или критикующий художник???
На самом деле критиковать и рисовать только учусь, зато почти во всем обязательно найду источник для вдохновения.

Критик в розовых очках

Критик в розовых очках

Вовсе не критик. Губы тоже красит розовым. Филолог, но не читает 600 страниц в день. Иногда, очень редко, например, во время написания рецензий, розовые очки снимает.

Литературно-критический журнал
ВО-ВТОРЫХ

